

След на воде

Роман Буревой
Темногорск

«Автор»

2007

Буревой Р.

Темногорск / Р. Буревой — «Автор», 2007 — (След на воде)

На город чародеев Темногорск надвигается хаос. Хаос и смерть. Синклит колдунов бессилен. Роман Вернон, потомственный колдун и повелитель водной стихии, выведен из игры – ему самому предсказана скорая и страшная смерть. Сумеют ли его ученики, молодые и неопытные, остановить зло, корни которого уходят в прошлое? «Темногорск» – заключительный роман фантастического цикла Романа Буревского «След на воде».

© Буревой Р., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	31
Глава 4	34
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Роман Буревой

Темногорск

Все имена и фамилии изменены, названия некоторых городов и поселков

*вымышлены, дабы не подвергать опасности тех,
кто оставляет
СЛЕД НА ВОДЕ...*

Часть I

Глава 1

Предупреждение

Призрак Чудодея появился на улице Ведьминской в конце апреля. Было холодно для весны, шли дожди, по ночам над землей стлался туман, повсюду поблескивали лужи. Жидкая грязь одинаково жадно липла к щегольским туфелькам и к резиновым сапогам. Может быть, поэтому призрак Чудодея встретился водному колдуну Роману Вернону. Чудак был точь-в-точь как при жизни – одет в старенькое драповое пальтецо и фетровую шляпу с обвислыми полями. Бывший глава колдовского Синклита стоял посреди улицы и что-то высматривал за забором ближайшего дома. Впрочем, увидеть поверх кирпичного забора в два метра высотой было ничего нельзя. Хоромы за забором принадлежали заместителю мэра Жилкову.

Чудодей слегка просвечивал, вокруг сутулой фигуры подрагивала зеленоватая аура.

«Кто знает, может и не призрак, может, это живой Чудодей!» – окрылился фальшивой надеждой Роман.

Утверждали же колдуны наперебой: не было в гробу тела вовремя похорон. Потому и не открывали крышку, гроб вынесли из морга не только заколоченным, но и закрытым черным покровом, непроницаемым для колдовского взора. Так и опустили в могилу на старом темногорском кладбище. Когда кидали землю, гулко отвечала крышка гроба, и чудилось в этих звуках жалобное: рано еще, рано, рано...

– Михаил Евгеньевич! – окликнул бывшего главу колдовского Синклита Роман.

Чудодей поднял голову так, что стало отчетливо видно лицо под обвислыми полями шляпы. Лицо было белым, будто вылепленным из влажного, напитанного талой водой снега. Ничего не сказал Чудодей, только приложил палец к губам. А потом быстро засеменил по обочине, пробираясь мимо огромной, отсвечивающей черным стеклом лужи.

«Призрак шагал бы напрямик по воде, не боясь замочить ноги», – подумал Роман.

Водный колдун последовал за Чудодеем. А про себя усмехнулся:

«Надо же, точно призрак отца Гамлета!»

Подобное сравнение показалось уместным: Михаил Евгеньевич при жизни слыл книжным колдуном, волшебную силу из бессмертных книг черпал. Почему бы ему после смерти не сделаться подражателем литературных персоналий?

Сравнение это встревожило: всем известно, для чего призрак папаши Гамлета смущал неустойчивый разум датского принца. Ничего хорошего из этой затеи не вышло, Клавдия похерили, но ведь и остальные полегли, виновные и невинные – все в одну яму.

Однако никаких тайн Роману призрак Чудака поверять не стал, молча добрался до пролома в недостроенном заборе вокруг соседнего участка и исчез. Участок был тот самый – где

Чудодей умер внезапно полгода назад. По приказанию колдовского Синклита Роман Вернон лично обнес забор охранными заклинаниями, чтобы никто из посторонних здесь не шлся и не пытался проникнуть в недостроенный дом. Однако от призраков заклинаний не накладывалось, посему Чудодей миновал границу, не замешкав. Водный колдун последовал за ним (собственные чары для чародея не преграда).

За забором все было таким же, как в то осеннее утро, когда Роман обнаружил на ступенях крыльца мертвого Чудодея: голая земля, груды щебня и песка, нежилой дом с пустыми провалами незастекленных окон. И как в то утро, на бетонных ступенях сидел Чудак. Сидел неподвижно, прижавшись виском к покрытой белым налетом стене. Как будто вслушивался. Роман тоже напряг слух, но никаких звуков чуткое ухо водного колдуна не уловило: царил паразитическая, абсолютная тишина. Стоило осознать эту ее потустороннюю абсолютность, как озноб пробежал по спине.

Роман направился к дому. Ноги тут же налились тяжестью.

«Не надо, не ходи...» – остерег сам себя повелитель водной стихии.

«Ничего страшного, – отвечал колдун так же мысленно. – Колдовского обруча на мне нет, никуда я из этого дома не попаду, никуда не шагну – ни в пространстве, ни во времени...»

Чудак не двигался.

Роман подошел, остановился.

– Михаил Евгеньевич! – окликнул он сидящего.

Тот поднял голову, и тогда Роман разглядел, что это уже не Чудодей, и даже не его призрак, а покойный дед Севастьян, чем-то неуловимо схожий с прежним главой Синклита: такой же сутулый, узкоплечий, в темном заношенном пальто и потерявшей форму шляпе. Бесцветная кожа, блеклые губы, глаза – мутный туман зимних сумерек. Редкая щетина над верхней губой серебрилась.

Старик пожевал губами, приоткрыв редкие темные зубы, и сказал:

– Брошенный дом, как дитя брошенное, тяжело смотреть. Больно. Обогреть хочется. А нечем.

– Деда, зачем ты пришел? – Роман как-то не очень верил, что перед ним покойный дед-колдун, и опасался подвоха.

Само превращение Чудака в деда Севастьяна его несколько не испугало, а даже чуточку позабавило, если можно так выразиться. Дед Севастьян любил при жизни розыгрыши, видимо, и после смерти эту черту сохранил.

– Дурак ты, Ромка, – призрак Севастьяна погрозил внуку тонким узловатым пальцем. – И ведешь себя по-дурацки. Но я не затем пришел, чтобы тебя укорять! – Дед вновь беззвучно пожевал губами. – Каменьними.

– Какой камень? – Роман сделал вид, что не понял просьбу.

– Могильный. С могилы моей камень заведи. На четыре части разбей.

Старик поднялся и, держась за стену, принялся медленно подниматься по ступеням.

Роман остался внизу, не в силах сделать ни шагу. Не из страха – страх тут был не причем. Совершенно отчетливая внешняя сила не давала водному колдуну двигаться, держала за руки, парализовала ноги.

Призрак вошел в дом, и в тот же миг невидимый барьер исчез. Роман одним махом взбежал по ступенькам. Но внутри уже никого не было. Зачем-то колдун обошел недостроенную коробку, хотя и так чувствовал: нет здесь никого. Дом, как и весь Темногорск в эти дни, пропитался холодным туманом, по кирпичным стенам щедрыми слезами стекала влага. Пахло сыростью, плесенью.

– Деда! – зачем-то крикнул колдун и долго слушал, как металось по пустой коробке пугливое эхо.

Непосвященные думают, что камень на могилу колдуна кладут, чтобы в земле покойника удержать. Обманка это, пустой слух. Камень для другого надобен. Если над могилой нужные заклинания прочесть, волшебная сила умершего в камень перейдет. Роман в свое время сделал все, как научил его дед. Только надеялся в глубине души – не настанет час, когда камень снимать с могилы придется. Однако, судя по всему, час такой наступил.

– Когда?! – крикнул Роман.

Но не пришло ответа: только эхо вновь принялось передразнивать: «Да! Да! Да!»

Колдун тряхнул головой и направился к пролому в заборе.

Здесь его уже ждали – услужливо распахнула дверцу черная роскошная машина. За рулем виднелась фигура отнюдь не призрачная, из плоти и крови.

– Ну, надо же! Какой сервис, – усмехнулся Роман, садясь рядом с водителем.

Мужчина средних лет (именно средних, то есть неопределенных) в черном кожаном пальто, затянулся тоненькой темной сигареткой и выпустил аккуратное колечко дыма. Знал он, что Роман никакого дыма не переносит, курил демонстративно. Мужчина носил на пальце перстень с камнем саркофаг, а волосы и брови были у него крашенные.

Роман щелкнул пальцами, сигарета с шипением погасла. В следующий миг окурочек намок и обвис, будто добрый час пролежал в канаве.

– Можно и повежливей, – мужчина брезгливо сморщился и выбросил окурочек.

Однако никакой обиды в его голосе не прозвучало: с Романом Верноном нынешний исполняющий обязанности главы колдовского Синклита Гавриил Черный пикировался давно и постоянно, но не зло, скорее даже дружески.

– Спешное дело? – спросил Роман.

– Аглая заявила, что хочет с тобой важный разговорчик перетереть.

– К чему такая спешка? – пожал плечами водный колдун. – По-моему, мы все уже обговорили. Если честно, надоели мне эти споры: Аглая каждый раз начинает все сначала... – он поморщился.

– У Всевидящей новое предложение касательно компенсации за разрушенный особняк.

– Ну да, конечно, предложение, от которого я не смогу отказаться? Ха! Неужели она готова уступить и согласиться на мои условия? – хмыкнул Роман.

Подобное предположение казалось маловероятным. Фантастическая жадность Аглаи была очень хорошо известна ее собратьям по колдовскому цеху.

– Она сама тебе все скажет. Если честно, я не посвящен.

Роман недоверчиво покачал головой: в неосведомленность повелителя Темных сил просто невозможно было поверить!

– Кстати... – Гавриил сделал едва заметную паузу, не ускользнувшую, однако, от внимания водного колдуна. – Ты Тину Светлую рекомендовать в Синклит не хочешь? А то она только кандидатом числится.

«Интересно, с какой это стати он Тиной интересуется?» – тут же насторожился Роман.

Но вслух сказал:

– Очень хочу. Да только пока это без толку. Пока мы главу Синклита не избрали и не передали ему кейс с личными знаками, все эти разговоры о приеме в Синклит – сотрясение воздуха. Так что Сашка Веретено и Петрушка Смерч, которых мы, якобы, приняли, по-прежнему практиковать в Темногорске не могут.

– А кто виноват! – не скрывая раздражения, воскликнул Гавриил. – Вы же еще тридцать три года спорить будете, можно меня главой Синклита утвердить, или нельзя.

– Гавриил Ахманович, ты же знаешь, я всегда на твоей стороне.

Машина остановилась перед домом Гавриила.

– Аглая теперь у тебя живет? – любопытствовал водный колдун.

– Ну, нет! Я никогда не страдал болезнью под названием благотворительность.

После неудачно проведенного заседания Синклита, когда колдуны превратили Аглаины хоромы в груды обломков, прорицательница поселилась у своей подруги Тамары Успокоительницы. Но дружба двух ведьм не выдержала подобной близости, через неделю Аглая сбежала в гостиницу. Сказать к слову, проживание в номере “люкс” пострадавшей оплачивал Синклит, посему Гавриил призывал собратьев как можно быстрее решить вопрос с выплатой компенсации и начать отстраивать разрушенный особняк ударными темпами, иначе все средства Синклита уйдут на оплату Аглаиных счетов. Однако Роман Вернон наотрез отказался брать все расходы на себя, заявляя, что в разрушении дома виноват вовсе не он один. К тому же Гавриил, вставший во главе Синклита (пускай и временно) пользовался ныне плодами Романовой победы над Медоносом. Гавриил не спешил демонстрировать великодушие. Спор затягивался, на руинах Аглаино дома каждодневно рылись бомжи. Прорицательница просила огненного колдуна Максима Костерка их испепелить, тот пообщал подсобить, но обманул, как всегда: Синклит подобные радикальные меры запрещал. К тому же осеннее побоище колдунов произвело в городе смятение, если не сказать – ужас! По поводу учиненного разора на Ведьминской Гавриил Черный лично ездил разбираться с мэром Гукиным, и разговор тот не доставил удовольствия ни одной из сторон.

Бездомная прорицательница каждый день напоминала о себе Гавриилу, угрожала Роману, умасливала Большерука, раз десять пыталась вселиться в арестованный дом Медоноса. Но, несмотря на ее титанические усилия, дело с мертвой точки не двигалось.

* * *

Аглая Всевидящая сидела в знаменитой малой гостиной Гавриила, стены которой были обиты черными сверкающими панелями “а ля антрацит”, черный пол с серебряным узором отражал не хуже зеркал; роскошный диван, обитый мягчайшей кожей, и два кресла, черные, мягкие, манящие, окружали низенький журнальный столик с полированной столешницей. Серебряный поднос с бутылкой коньяка и фужерами принесли уже давно. Отражения серебра в черном и черного в серебре создавали ту атмосферу “нуар”, которую обожал Гавриил – яркую, театральную, отнюдь не пугающую, но лишь обозначающую страх. Он был поклонником символов, этот Гавриил, а так же смещения стилей, переименования и выворачивания всего наизнанку. Обожал черное превращать в белое, белое делать чернее ночи и очень гордился этой своей способностью. Таким уважением как Чудодей, Гавриил никогда не пользовался, но многие находили его кандидатуру приемлемой. Потому и держался повелитель Темных сил во главе Синклита.

Бутылка успела опустеть на треть, тогда как два фужера из трех оставались чистыми: Аглая пила в одиночестве. Ее круглое лицо покраснелось, глаза поблескивали. Похоже, сидела она в этом кабинете давно.

– Как поживаете, Аглая Ильинична? – поинтересовался Роман Вернон.

– Твоими заботами – мерзко! И нет тут ничего смешного!

– Разве я смеюсь?! – пожал плечами водный колдун. – Поверьте, я вам очень даже сочувствую.

В самом деле, он и не думал потешаться. Однако ехидное выражение, по обыкновению, проступало в изломе его губ, в едва обозначившихся морщинках в уголках глаз.

«Ничего серьезного», – все отчетливее улыбались губы.

А глаза...

В глаза ему редко кто заглядывал.

– Ладно, ладно, смейся... – Аглая вынула из объемистой черной сумки бумагу, махнула ею в воздухе, после чего положила листок на колени. – Это оценка уничтоженного имущества, –

сообщила она, почему-то не глядя ни на Романа, ни на Гавриила, и нервно притопнула ножкой, будто подгоняла кого-то, гневаясь на нерадивого.

– И много там... нулей? – поинтересовался Роман, усаживаясь в кресло напротив Аглаи.

Гавриил поместился рядом с гостьей на диване, слегка приобнял Всевидающую за пухлое плечо.

– Шесть милых кружочков после единицы. Сумма в долларах, разумеется, – сообщила пострадавшая.

– Разумеется, – скривил губы водный колдун. – И... – он сделал паузу. Появилась с некоторых пор у него эта привычка – обрывать фразу на середине так, что в воздухе повисал многозначительный вопрос.

– Я готова снизить сумму иска до половины.

– То есть пятьсот тысяч зеленых, – подсказал Гавриил.

– Неужели вы еще не забыли арифметику, Гавриил Ахманович? – хмыкнул Роман.

– Но пусть всю сумму мне выплатит Синклит в течение двух недель, – выдохнула Аглая.

– Я – за! – объявил водный колдун. – Все эти месяцы я не устал твердить, что ущерб за погром должен возместить Синклит. Как член Совета не отказываюсь внести свою долю в десять процентов!

Гавриил попробовал по-мефистофельски изломить одну бровь, но не получились – обе дружно полезли вверх.

– Как же так, Аглая Ильинична! Мы договорились: Синклит погасит двадцать пять процентов суммы в течение года.

– Теперь получится, что пятьдесят. И в две недели.

– Почему вы решили, что Синклит пойдет на это? – хмыкнул Гавриил. – Разумеется, мы все любим нашего дорогого Романа Васильевича, но платить за него долги никто не собирается. А уж за Медоноса, – тем более. Колдуны – жадный народ.

– Вот именно, – Аглая рассудительно кивнула. – Верните мне половину, а потом взыщите, сколько сочтете нужным, с виновных. Можете хоть сто тысяч содрать с них плюс проценты и расходы – меня это уже не касается.

– Э, нет! Так не пойдет! Пятьсот тысяч на всех – и точка! – перебил Роман.

– Как только получу деньги, сразу съеду из гостиницы! – Аглая, знай, гнула свою линию.

– Куда съедете? – спросил Гавриил и налил себе коньяку.

Выпил залпом, как водку.

– Не все ли равно? Главное, вам перестанут присылать счета. А я смогу вновь принимать посетителей. Заметьте, в гостинице обслуживать клиентов, мягко говоря, неудобно.

– Разве? – хмыкнул Роман.

Лицо и шея Аглаи пошли багровыми пятнами.

«Ну, все, сейчас она передумает! Что ж я, дурак, не сумел язык придержать за зубами! – запоздало укорил себя водный колдун. – Она же мне долг фактически простила. Уж не знаю, почему, но простила. А уж с Синклитом я сторгуюсь...»

– Имелось в виду, что клиенты живут тут же, в соседних номерах, и могут узнать свое будущее, не выходя на улицу, – попытался загладить бестактную шутку водный колдун.

«Пятьсот тысяч зеленых за дурацкую реплику многовато будет», – пошутил в этот раз только мысленно.

– Не волнуйтесь, ни в ваших советах, ни в ваших нелепых извинениях я не нуждаюсь, Роман Васильевич! – отрезала Аглая и повернулась к Гавриилу. – Итак, заключим соглашение сейчас, до рассвета.

Похоже, пророчица приняла решение, и никакие намеки и насмешки сбить ее не могли.

«Что ж она такое задумала...» – пытался угадать Роман, но вкрадчивый голос Аглаи все время его сбивал.

Прорицательница тем временем извлекла из сумки новую бумагу. Правда, на этот раз без печати, но с готовым текстом.

Гавриил медлил, чуя подвох. То есть один подвох он сразу узрел без труда. Разрушенный дом Аглаи не стоил миллиона баксов по нынешнему курсу. Но с другой стороны – пятьсот было явно маловато, не говоря уже об утраченных вещах. Объяснение напрашивалось единственное: Аглае срочно требовались деньги, и она готова была получить хотя бы часть компенсации.

Так и не сообразив, в чем дело, Гавриил взял бумагу из рук Аглаи, зачем-то посмотрел ее на просвет, потом перечитал дважды и переспросил:

- Только пятьсот тысяч?
- Через две недели, – отчеканила Аглая.
- Ну да, я понял: пятьсот через четырнадцать дней.
- Погодите! – остановил Гавриила Роман.

Он достал из внутреннего кармана серебряную флягу с пустосвятовской водой, плеснул на бумагу. Капли скатились, как будто Аглая навощила страницу. Ни одной буковки не смыло – все уцелели. Выходило, что в тексте не было лжи. Ни капли.

– Вы мне по-прежнему не доверяете, Роман Васильевич, – улыбнулась Аглая и притворно вздохнула.

- Признаюсь, вы меня удивили, – сказал водный колдун.
- Нет, стойте! – опомнился Гавриил. – Если я подпишу бумагу, Синклит возьмет на себя все обязательства, а Роман Васильевич не заплатит ни шиша!
- Ну-ну, Гавриил Ахманович! Не передергивайте! Десять процентов я заплачу.
- То есть сто тысяч?
- У вас все же с математикой нелады. Десять процентов – только пятьдесят тысяч! – сказал Роман.

– Не надо наглеть! Сто тысяч в течение месяца! Или Синклит заставит вас заплатить все пятьсот!

– Только не угрожайте мне! – оскалился водный колдун. – Я этого терпеть не могу. У Синклита надо мной подобной власти нет. Или вы забыли?.. – Теперь уже в голосе Вернона послышалась угроза. – Я не какой-нибудь начинающий практикант, на которого может нажать Совет, пригрозив лишить его силы...

– Роман Васильевич, дорогой, – елеинным голосом заговорила Аглая, – вы же сказали сами, что готовы были заплатить сто тысяч. Что ж вы теперь упрямитесь, лапушка? Пишите расписку, не глупите, вы *ничем* не рискуете.

– У Синклита лишних денег нет, – печально сказал Гавриил.

– Как же так! – изобразил удивление Роман. – Мэр Гукин обещал снизить плату за лицензии, если его в декабре на новый срок выберут. Весь Синклит дружно за него проголосовал... и что же выходит, нас кинули?

Гавриил пожал плечами: про декабрьские выборы ходили по Темногорску нехорошие слухи: будто бы члены Синклита не просто бюллетеньки в урны кинули, а все результаты в этих самых урнах в пользу Гукина переиначили. Вранье, конечно. У Синклита закон – в дела властей не вмешиваться. Однако, как бы то ни было, переизбрание мэра прошло на ура.

– Ничего он не отменил, – вздохнул Гавриил. – Магия, грит, уникальная в городе, положено оплачивать природные ресурсы. А мы ведь не «Газпром», зеленые в поте лица зарабатываем.

– Странно, вроде бы Гукин всегда благоволил к Синклиту! – удивился Роман. – Любил повторять, что Михаила Евгеньевича он уважает и чтит...

– Чудак умер, – напомнила Аглая.

Да, с этим фактом не поспоришь.

– Ну, хорошо, – уступил Роман. – Надеюсь, вы в будущем не усмотрели новый дефолт, Аглая Ильинична!

– Конечно же нет! – ненатурально рассмеялась Аглая – в Темногорске всем было известно, что как раз дефолт Всевидящая и не предугадала.

– Поставим подписи одновременно! – решил Гавриил. – Но только не мухлюйте, Роман Васильевич! Это особая бумага. Никакие заклинания на нее не действуют. – Он положил перед Романом лист белой бумаги и ручку. – Вот вам и ручка. *Моя*. Пишите расписку.

– А я думал, надо ставить подпись кровью! – вполне серьезно сказал водный колдун.

Каждый взял бумагу и, следя краем глаза друг за другом, подписал.

«В чем же они меня накололи?» – раздумывал Роман, отдавая расписку главе Синклита.

– Ну что ж, надо выпить за сделку, – объявил Гавриил.

Он налил коньяку себе и Аглае, водный колдун плеснул в третий фужер воды из серебряной фляги, заговорил на спирт.

“Все это мне очень не нравится... – Роман чокнулся с коллегами. – От этих бумажек за версту несет подлость. Аглая Всевидящая, прорицательница... Что же такое мерзкое она увидела в моем будущем? Она же ошибается через два раза на третий... А вот смерть Чудака предсказала!”

В этот миг его взгляд встретился со взглядом Аглаи. Романа будто током ударило.

“Неужели? Две недели? И только... Вот сука!..”

* * *

Выйдя от Гавриила, Роман чуть ли не бегом припустил домой.

На углу Дурного переулка стоял, прислонившись к столбу, человек в черном кожаном плаще. Заслышав шаги бегущего, неизвестный выступил вперед, шелкнул пальцами. Синий всполох осветил бледным светом улицу и тут же погас.

«Колдован!» – Роман вытянул в сторону стоящего у фонаря человека руку с перстнем-оберегом.

Но тот, похоже, не собирался нападать. Напротив, отступил в сторону Дурного переулка. Что и понятно: колдовану в одиночку не под силу тягаться с полномочным повелителем стихии.

«Откуда их столько в последние месяцы развелось в городе? – раздумывал Роман, направляясь дальше – к своему дому. – Поточное производство открыли, что ли? Надо будет поставить вопрос на заседании Синклита...» И мысленно добавил, вздохнув: «Если успею!»

Впрочем, вопрос этот поднимался на Синклите уже раз пять или шесть, да все без толку. Обучение колдованов было делом прибыльным и совсем не хлопотным, многие члены Синклита получали за обучение хорошие деньги и не собирались от своих доходов отказываться из-за призрачной угрозы. Однако никто так и не озаботился проблемой: что станет с Темногорском, если число колдованов превысит число колдунов?

Роман отворил ворота и кинулся в гараж. Через несколько минут он вывел из “конюшни” синий “Форд” – подарок Алексея.

Колдуну в этот миг казалось, что никаких двух недель нет в его распоряжении. А есть всего несколько часов. Аглая могла говорить о двух неделях для отвода глаз. Иначе зачем на ночь глядя устроил Гавриил эту встречу, почему не подождал до утра?

Значит, утром поздно может быть – напрашивался простой ответ.

Роман коснулся серебряного кольца-оберега с зеленым камнем. Оберег молчал, не гаял про опасность. Получалось, что хотя бы несколько часов в запасе имелись. Для сильного колдуна это очень много. Тогда – вперед. Размышлять будем по дороге, пока машина мчится в

родную деревеньку Пустосвятово. Полночь уже миновала, ночной морозец покрыл мокрый корявый асфальт ледяной коркой. Из-под колес летели ледяные осколки.

«На такой дороге очень даже просто сломать шею», – подумал колдун и сбавил скорость.

Ни одной машины не попалось ему навстречу, никто не обогнал. Уже после того, как мелькнула у дороги надпись “Пустосвятово”, колдун почувствовал, немеет палец, окольцованный оберегом.

«Успею!» – сам себя подбодрил колдун и свернул на грунтовку, ведущую к кладбищу.

У подножия холма с деревенским жалынником он оставил машину. Рука сделалась будто чужой уже до самого локтя. Освещая дорогу фонариком, Роман побежал вверх. Вообще-то колдун и в темноте видел неплохо. Но сейчас решил не рисковать: ямина под ногой или предательский камень могли воплотить в реальность предвидение Аглаи. Особенно, если камень этот или ямину кто-то из недоброжелателей заговорил. Луч фонарика выхватывал из темноты покосившиеся старые кресты и новые гранитные обелиски. С некоторых пор пустосвятовское кладбище стало модным местом. Бытует мнение, что здесь особенная земля, и лежать в ней “покойно”. Свободного места на горюшке не так уж и много, потому старые могилы срывают и ставят поверх них роскошные новые надгробия.

Как ни торопился Роман, около одного из обелисков задержался на пару минут – попросту не смог пройти мимо. На двухметровом черном монументе, огороженном кованой решеткой и укрытом добротной крышей, изображен был импозантный мужчина в полный рост, а на заднем фоне белели фонтан и любимый “Мерседес”. Роман прочел надпись на камне «Роман Больколюк». Отродясь никаких Больколюков в Пустосвятово не проживало, тем более Больколюков, которым по карману было купить “мерин” и установить подобный обелиск. Совпадение же имен водного колдуна поразило. Это был еще один знак, еще один тревожный звоночек.

Роман шагнул к могиле, просунул руку между коваными завитками решетки (один из них тут же заржавел и сыпался на землю рыжей трухой) и коснулся черного камня. Фонтан ожил, зажурчал, смывая «Мерседес». На месте шикарной машины под действием фальшивых струй проступил кургузый «Жигуленок». Роман хмыкнул, на минуту вообразил растерянность и ярость наследников и направился к могиле деда.

Сиротливый холмик никто не посмел потревожить, хотя и всех примет у могилы – камень без надписи да скромная оградка. Кто-то недавно приходил на могилку, прибрал после зимы да оградку покрасил. Неужто мать вернулась в Пустосвятово?

Роман постоял минуту-другую возле камня, потом прошептал:

– Надеюсь, ты вовремя меня предупредил, деда.

Сдвинуть самому камень колдуну было не под силу, пришлось плеснуть на гранит пустосвятовской воды из серебряной фляги и прошептать нужные заклинания. После чего Роман легко, почти играючи, поднял камень весом не менее двух центнеров и понес с кладбища. Плохо было лишь то, что рука с оберегом все больше немела – значит, времени изменить судьбу оставалось впритык. А надобно было еще добраться до перекрестка.

Загрузив камень в багажник, колдун поехал назад – к пересечению узенького колдобистого шоссе с почти непроходимой грунтовкой. Мысленно Роман уже не в первый раз прокручивал недавний разговор с Аглаей Всевидающей: не промелькнуло ли нечаянное указание на точное время? Впрочем, знала ли роковой час сама Аглая?

«Итак, заключим соглашение сейчас, до рассвета», – всплыло в памяти.

Проговорилась все-таки!

До рассвета оставалось еще несколько часов. «До рассвета»... Сегодня? Или через две недели? Какой рассвет станет последним? На его расписке срок был проставлен в три месяца. «Вы ничем не рискуете!» – со змеиной улыбкой заявила Аглая. Значит, трех месяцев у него точно нет.

Ну, это мы еще посмотрим! Знаете, господа прорицатели, меня уже один раз хоронили!

Колдун наконец добрался до перекрестка, хотя казалось – не доедет шикарный «Форд», увязнет в какой-нибудь луже по самую крышу.

Два или три раза колеса начинали буксовать, приходилось Роману подталкивать тачку магическими заклинаниями. Оставив машину у обочины, колдун вытащил надгробье на середину дорожного перекрестья, камнем берега провел на могильном граните крест, шепнул заклинание, полоснул ножом по руке. Кровь брызнула, зашипела. С громким треском камень распался на четыре части. От разбитого камня пахло тлением.

Каждый осколок теперь надлежало закинуть на свою часть пути, перегородить злобной Судьбе дорогу. Хватит ли дедовой силы, накопленной в камне, чтобы спасти внука, Роман не ведал. Но другого способа уберечься от смерти до срока не было.

Колдун швырнул первый осколок на восток. Тот яркой звездой вспыхнул в ночи, рассыпался искрами и пропал. На юг камень летел неохотно, вспыхивал несколько раз, прежде чем исчезнуть. Брошенная на запад четвертушка упала в сотне шагов и догорала уже на земле. Зато на север в сторону Темногорска камень умчался метеором, его падение и агонию Роман так и не сумел узреть. Замается теперь смерть искать колдуна по всем четырем дорогам, пропустит назначенный час.

Роман вернулся к машине. До рассвета он в Темногорск не вернется: сейчас на реку любимую Пустосвятовку отправится водный колдун – искупаться, силы восстановить и набрать впрок воды.

* * *

Лед все еще сковывал буйные воды Пустосвятовки, но под мостом река не хотела смиряться, и даже в самый сильный мороз здесь бурлила и плескалась чистая вода. Колдун не стал раздеваться, не стал входить в воду потихоньку. Ринулся, как был, в одежде, с моста. В первый миг, в тот миг, когда тело его входило в воду, Роман ощутил жгучий смертельный холод, от которого на миг замерло сердце. Никогда прежде, с той самой минуты, как повелитель воды надел свое волшебное ожерелье с живой нитью, с ним такого не бывало.

Роман сумел пересилить холод, устремился в бегущий поток, проплыл под мостом, потом развернулся и ушел на дно. Там, в глубине, горячая волна пробежала по телу, подаренная водой энергия наполнила каждую клеточку его тела.

Лишь когда полностью рассвело, колдун выбрался на берег.

«Может, заглянуть к Аглае на чаек? – усмехнулся Роман, загружая в багажник канистры с чистой водой. – Поглядеть, сильно удивится предсказательница, увидев меня живым этим утром, или не очень?»

* * *

Но в гости к Аглае он не поехал.

Подъезжая к Темногорску, Роман увидел столб густого черного дыма над крышами. Горело где-то на Ведьминской. Ветер сносил черные клубы в сторону реки Темной. Роман опустил стекло в машине, прислушался, пытаясь уловить звук пожарных сирен. Но не услышал. Придется водному колдуну заняться пожаром. Что призвать на помощь? Дождь? Снег? Ни одной подходящей тучки поблизости не было, а гнать издалека – успеет разгореться и перекинуться на соседние дома... Глядишь, и пожарные к тому времени подъедут. Можно, правда, выплеснуть воду из колодцев и из реки, но для этого придется подобраться к пожару поближе.

Роман надавил на газ.

Но, выехав на Ведьминскую, увидел, что дым уже жидкими кляксами расплзается по небу, огня нигде не видно, хотя тошнотворный запах горелого ощущается в воздухе. А дым... Дым струился из окон особняка Гавриила Черного.

Колдун затормозил у соседнего дома – ставить «Форд» у горящего особняка было по меньшей мере глупо, даже если машина от огня и от пуль заговорена. Роман все еще сидел в машине, когда огненный колдун Максимка Костерок вылетел из дверей Гавриилова дома и кинулся к своей «девятке». Максимка был весь в саже, на почерневшем лице огненного колдуна в радостном оскале сверкали белые зубы. Похоже, Романа Костерок не заметил – нырнул в машину, «девятка» рванула с места, плюнув грязью из-под колес. Стальная дверь особняка снова лязгнула – на пороге возник сам хозяин, с лицом таким же грязным, как у Максимки, в бархатном халате, а за спиной главы Синклита болтался изодранный в лохмотья черный плащ.

– Гавриил! – окликнул его Роман и направился к дому.

Хозяин отступил в глубь особняка, прикрыл дверь.

– Помощь не нужна? – спросил водный колдун (сизые струйки дыма все еще текли из окон первого этажа).

– Нет... ничего не нужно... порядок... – ответил из-за двери Гавриил.

– У вас же пожар.

– Уже все погасили! – выкрикнул Гавриил.

– Можно войти?

– Нет! – Теперь дверь захлопнулась, лязгнул замок. Из-за двери послышалось: – Ничего страшного, ковер загорелся.

Водный колдун пожал плечами – мол, хозяину виднее, сильно у него там внутри горит или нет, и вернулся к своей машине. Уже когда отъехал, сообразил: изодранный черный плащ очень походил на переломанные кожистые крылья повелителя Темных сил...

Ничего себе! Кто же так главу Синклита сил обломал?

Неужели Гавриил Черный подрался с Максимкой Костерком? Предположение само по себе казалось нелепым: Максимка считался слабеньким колдунишкой, тогда как с главой Синклита могли соперничать лишь Роман Вернон да повелитель воздушной стихии Данила Большерук. Спору нет, Костерок выбежал из дома Гавриила как ошпаренный, но при этом не было похоже, что огненный колдун серьезно пострадал. Это значит...

Никаких выводов Роман делать не стал – почувствовал, что палец с оберегом опять онемел, а руку от запястья к локтю начало ломить. Неужели он так и не сумел переменить судьбу?

Глава 2

Братья

– Эй, второгодник, – крикнул Землемеров, проскакивая мимо Юла Стеновского, – взглядом убить можешь? – Он пнул стоящий на полу рюкзак Юла, отпихнул второклашек, что толпились возле доски с расписанием уроков, и попытался проскочить на лестницу, но Юл извернулся и ухватил обидчика за полу куртки.

Тот рванулся, потерял равновесие, упал, вновь вскочил. Но вырваться не удалось: юный чародей держал его крепко.

Девятиклассники, наблюдавшие за краткой потасовкой, заржали. Если бы не отлучка длиною в год, Юл бы сейчас учился с ними. А теперь он вновь постигал азы химии и физики в восьмом. Не так страшно, учитывая, что в школу он пошел в шесть лет. Все равно – и в девятом, и в восьмом, – найдется парочка идиотов, способная отравить тебе жизнь.

– Слышь, Земля, разговор есть, – сказал Юл, так и не отпустив полу куртки обидчика.

Тот рванулся снова, – с прежним неуспехом.

– Ну, чего тебе? – буркнул недовольно.

– Роман Васильевич велел спросить: хочешь к нему на уроки ходить?

– Чего-чего?

– Колдовству, грю, учиться не желаешь?

Землемеров, сообразив наконец, о чем речь, весь скрутился от смеха.

– Ой, не могу... ой, колдун...

Потом выпрямился, глянул на Юла вроде как сверху вниз и кивнул:

– Бородавки сводить, геморрой лечить... новый самый сильный колдун Земля Первый... ой, не могу... – Он опять приснул.

Говорить с ним было теперь бесполезно. Если «Земля» вот так начинал смеяться, он мог ржать до самого вечера, и каждый новый вопрос лишь провоцировал приступы хохота. Так что юный чародей отпустил его – пускай бежит, куда бежал.

– Учти, Семенова, с колдуном нельзя целоваться, – сказал Матюшко, тощий восьмиклассник, чьи щеки сплошь покрывали алые прыщи. – Слюни у него ядовитые.

Все опять захихикали. Стоящая рядом с Матюшко Семенова кисло улыбнулась.

Юл, сделав вид, что не слышал дурацкой шутки, принялся зашнуровывать кроссовки.

Да, прав был Роман Вернон, когда говорил, что колдун бессилен перед толпой. Всех не заколдуешь, не наведешь на каждого порчу. Впрочем, Роман даже толпу может заставить встать на колени. Роман – да. Но не Юл. А почему собственно не Юл? Он слабее? Моложе? Меньше знает?

«Я просто не ощущаю в себе такой силы», – уточнил для себя начинающий чародей.

Внезапно он почувствовал на себе чей-то взгляд – столь пристальный, что кожу на лице стало покалывать, жечь... Юл шевельнул губами, пытаясь поставить защиту, но кожу продолжало жечь все сильнее. Он тряхнул головой, привычным жестом откинул упавшие на лицо волосы и поднял глаза. На него смотрела Иринка Сафронова. С осени Юл учился в гимназическом классе. Класс был платным, на обучение деньги (и немалые) присылал Алексей. Но и здесь Юл чувствовал себя чужаком. Впрочем, как везде. Вот только Иринка была как будто своя. Все знали, что отец ее – один из самых богатых людей в Темногорске. «Принцесса», – называли ее одноклассники за глаза. А в глаза многие льстили. Особенно противно было смотреть, как заискивают перед Иринкой учителя, как меняется голос у литераторши, когда она начинает фразу: «Ирочка, а нельзя попросить твоего папу...» Самое странное, что никто не находит нужным даже вести подобные разговоры конфиденциально.

Иринка обычно отвечала при этом холодно и высокомерно:

«Я передам».

Но Юлу иногда казалось, что она – не наследная принцесса, а такая же, как он – неприкаянная.

Ко всему тому Иринка – красавица. И прикинута шикарно. Девчонки говорили, что шмотки ей отец привозил из Парижа.

Но с Юлом Иринка всегда говорила так, будто он был ее единственным другом. Он не обижался, когда Сафронова его называла Цезарем, хотя на других за это прозвище злился.

Юл встал со скамейки, неспешно направился к отлетевшему в угол рюкзаку. Будто ненароком тронул водное ожерелье на шее. Нить начала пульсировать чуть сильнее. Перед Иринкой он не мог ударить в грязь лицом.

– Достали дебилы? – довольно громко спросила Сафронова, зная, что ее и пальцем никто не посмеет тронуть.

Сочувствие девчонки легкой тенью коснулось его души.

– Ничего, лет через пятьдесят поумнеют... – Юл тряхнул головой так, что длинные светлые волосы окончательно пришли в беспорядок. С тех пор как осенью после посещения Беловодья они отросли до плеч, Юл немного их укорачивал, но никогда не стриг коротко, хотя в школе его за это ругали. Но его теперь часто ругали в школе. Он не обращал внимания. Роман носит длинные волосы. И ученик чародея – тоже.

– Эй, Цезарь, ты кровь человечью пить пробовал? – хмыкнул Матюшко. Не имея возможности ответить Иринке, он всю злость обратил на Стеновского. – Ну и как? Вкуснятина?

Юл поднял рюкзак, неспешно просунул руки в лямки.

– Говорят, ты прыщи ходил лечить к Тамаре Успокоительнице. Тамара велела пить по утрам урину, то бишь мочу. Свою. Или чужую. – Чародей демонстративно повернулся к Матюшко спиной.

– Цезарь! – крикнула Иринка.

Но он и сам уже ощутил опасность. Подался в сторону. Удар кулака пришелся в пустоту. Юл развернулся, схватил Матюшко за руку. На миг замешкался. Настрой не надо было менять – Юл и так ожидал драки и готов был к *изгнанию воды*. Матюшко завизжал и отдернул руку. Ладонь пошла пузырями там, где кожи коснулись пальцы юного колдуна. Юл ощущал его боль. Она была *не слабой*. Именно так. Ее можно было вытерпеть – но на грани.

– Сука! Да вас всех мочить надо... всех! – завизжал “смельчак”, тряся обожженной рукой и подпрыгивая на месте в попытке сладить с болью.

Юный чародей глянул на Иринку. Склонив голову, она наблюдала за происходящим: Матюшко она тоже терпеть не могла.

– Я же говорил: не трогай меня. Или русского языка не понимаешь? – пожал плечами Юл.

– Не понимает, – хмыкнула Иринка. – У него по «русишу» двойка.

– Ну ты и приколся, Цезарь, – заржал Землемеров, возникая будто из-под земли. – Класс!

– Так нельзя! – запротестовала Семенова. К Матюшко она была равнодушна. – Ему же больно.

– Если он скажет: “Дорогой Юл, будь добр, сведи язву с руки. Пожалуйста”, я ему, так и быть, помогу, – пообещал юный чародей.

Ощущение власти над другим походило на хмель после выпитой кружки пива.

«Могу лицо ему сжечь, могу обездвижить... Или заставить на коленях ползать. Попробовать, что ли?» – победитель хищно усмехнулся.

– Я все расскажу... боссу вашему... – прохрипел Матюшко, катаясь по полу.

– Нет, чувак, не те слова, – покачал головой Юл. – Ты что-то напутал. В самом деле, русский учи.

Он шагнул к двери.

– Стой! – заорал Матюшко. – Рука горит. Помоги...

– А-а... – чародей повернулся. – Так лучше. На троечку. Но «пожалуйста» забыл.

– По...жа... – прохрипел Матюшко.

Юл скинул рюкзак, вытащил бутылку с пустосвятовской водой.

– Всем отойти, – велел и недругам, и доброжелателям. Взял обидчика за запястье, прошептал заклинание на снятие порчи и плеснул водой на ладонь. Пузыри тут же смыло. Осталась лишь краснота.

– Больно, – заскулил Матюшко.

– Остаточный эффект, – заявил ученик чародея, схватил рюкзак и кинулся к двери.

«Роман точно убьет, когда узнает», – мелькнула мысль.

* * *

Юл выскочил на крыльцо и остановился. Здесь был простор для маневра – подобраться близко к нему никто не мог. Можно было без помех подождать Иринку.

Ну почему у него все так по-дурацки получается? Почему?

«Они тебя ненавидят?» – спросил как-то Роман Вернон своего ученика, имея в виду одноклассников из 8 «а».

Юл задумался. Ненавидят? Разве можно назвать *это* ненавистью?

«Да нет вроде. Нормально относятся».

«Тогда почему на тебя все время кто-нибудь нападает?»

«А что, не должны?»

«Такое впечатление, что ты чужой для всех. Почему?»

Юл не знал ответа. Откуда эти вспышки антипатии, совершенно неожиданные, яростные, неукротимые? Все вдруг начинали его отторгать. Вот верное слово. Отторжение. Ребята отталкивали его. Причем, все. Юл не понимал, почему. Нет, не так, как сегодня. Сегодня был всего лишь приступ ненависти у Матюшко. Матюш завидовал Юлу во всем, даже в самых ничтожных мелочах. Выхodka Землемерова не в счет. Это обычное школьное баловство. Но иногда Юлу казалось, что вся школа, весь мир ополчается против него. *Отторгает*.

«Это из-за дара, – говорил Роман. – Так всегда будет, и с этим ничего не поделаешь. Они чувствуют и защищаются. Они должны защищаться».

«От кого?» – не понял тогда Юл.

«От нас. В принципе это даже хорошо. Сами того не понимая, они дарят нам одиночество. Необходимое одиночество».

Рядом с Романом Верноном Юл всякий раз ощущал свою избранность и свою значительность. Водный колдун заражал его своей внутренней уверенностью, своим ощущением избранности. Учитель все умел объяснить. Одной фразой.

«Человек, обладающий даром, уже счастлив, – запомни это», – повторял Роман.

И Юл верил. Но лишь в те минуты, когда находился рядом с водным колдуном. Стоило им расстаться, как ученика охватывали сомнения.

Дар есть счастье? Как бы не так! Какое тут счастье! Нет, может, тот, кто наделен какой-то другой способностью, не такой, как у Юла, счастлив. Да, возможно. Непременно даже. А Юл... Что за нелепый талант ему достался – чувствовать других, ощущать чужую любовь, чужую ненависть, ложь, обман, и с каждым днем все сильнее и сильнее. Так, что порой внешние эмоции начинают заслонять его собственные.

«Сильнейшая эмпатия», – объяснял Роман.

Ну и зачем эта дурацкая эмпатия Юлу? На кой ляд сдалась? Какой-то девчачий дар – всем сочувствовать, всех понимать.

Чародей ходил по крыльцу взад и вперед, ожидая, выйдет ли Иринка.

Но девочка не выходила. Стоять дольше было по меньшей мере глупо. Не хочет – не надо! Юл сбежал с крыльца и тут увидел, как из-за угла соседнего дома выезжает новенький синий «Форд».

Роман приехал?!

Вообще-то колдуны близ школы не появлялись – таково было обязательство Синклита, которое все, без исключения, блюли строго. Лишь однажды – и то по приказу директора – к ним в школу пожаловал старый огненный колдун Пламенюга. В тот день директору позвонил неизвестный и глухим измененным голосом сообщил, что здание заминировано. Учеников срочно эвакуировали, менты под конвоем привезли Пламенюгу, он мельком осмотрел первый этаж, сказал: «Ничего нет», а потом назвал имя «минера». Бедняга до смерти испугался срезовой по русишу, вот и позвонил, пригрозил «все взорвать на хрен».

Но сегодня, насколько было известно Юлу, никто школу не угрожал взорвать.

Дверца машины распахнулась, и из нее вышел... Алексей Стеновский. Ну конечно! Подарив Роману свой «Форд», Алексей купил себе точно такой же. Страсть у него была к этой марке. Преданность старшего брата можно было порой назвать фанатичной, упорство – нечеловеческим.

Алексей молча стоял у машины, не окликая брата.

Цезарь не спеша стал спускаться с крыльца. Он знал, что из окон вестибюля за ним наблюдают. Ну, так пусть наслаждаются зрелищем, пусть увидят, как юный колдун сядет в эту шикарную машину.

– Привет! – сказал Юл, подходя к брату.

В свои тридцать с небольшим художавый Алексей по-прежнему сохранил в облике что-то мальчишеское. С удивлением Юл заметил, что старший брат стал носить очки в тонкой золотой оправе, которые делали его и без того тонкое лицо утонченным. Еще он имел очень неприятную привычку вдруг впиваться в собеседника взглядом, будто хотел проникнуть в душу до самого дна. Теперь очки лишь усиливали это впечатление.

Одет он был в длинное черное пальто (прежде никогда не носил такое), но брюки были, как всегда, светлые. Дорогие кожаные ботинки блестели, начищенные, будто не по нашим дорогам Стен путешествовал, а ходил по чистеньким европейским тротуарам.

– Я за тобой, – сказал Стен и внимательно оглядел мальчишку.

Если в старшем брате Юл заметил перемены, то Алексей едва младшего признал. Юл показался не похожим на себя прежнего, выросл он не по дням, а по часам. И еще Алексею показалось, что Юлий (не Цезарь еще, но что-то проглядывает) сделался похож на Романа – манерой держать голову, улыбаться, щурить глаза. Даже в чертах лица проступило что-то общее. Только волосы у Юла были светлые, а у Романа – черные, как вороново крыло.

– В чем дело? – Юл постарался говорить небрежно.

– Ты мне нужен по важному делу в Питере, – сказал Алексей. – Матери записку оставь, что уезжаешь, или позвони...

– Не надо, – оборвал мальчишка. – Ее как раз в командировку услали на неделю, так что я свободен, как вода в половодье. Слушай, а ты раньше очки не носил. Что, зрение село из-за компа?

Юл сразу почувствовал, что Стен внутренне весь собран в комок, напряжен, как взведенная пружина. Эмпат отчетливо ощущал исходящую от брата тревогу.

«Что же ему нужно от меня? – подумал юный чародей, приглядываясь. – Зачем позвал? Не иначе, братану было видение... Что-то страшное. Но что именно – не скажет».

Внезапно мальчишка вновь ощутил на себе чужой пристальный взгляд, захотелось пригнуться, отмахнуться рукой.

Юл оглянулся. Иринка стояла на крыльце.

Стен тоже повернулся, внимательно посмотрел на девчонку, поправил очки на переносице, как будто собирался вдавить золотую дужку в кожу. Спросил:

– Твоя знакомая?

– В одном классе учимся, – бросил Юл как можно небрежнее.

И вдруг ощутил противный толчок под ребрами – но это смятение было не его собственным – заемным. Это Лешкино сердце забилося в груди сильнее, встревоженное. Вот те раз! Да неужто старший брат запал на Иринку? Ну ни фиги... Она же малолетка, а он... Ну и что? Он – красивый, смелый, кирпичи может голыми руками ломать (в прямом смысле), богатый к тому же... Ревность обожгла не хуже огня настоящего.

«Да что ж это я! – опомнился Юл. – Здесь же совсем другое!»

И точно: в Лешкиных чувствах не было томления или вожделения, была лишь тревога. Но что его тогда смутило?

Юл вновь глянул на Иринку, но не ощутил ничего нового – только Лешкина тревога, истаивая, медленно сходила на нет.

Иринка спустилась с крыльца.

И тут Юл понял, что не хочет знакомить ее с Алексеем.

– Ну так чего стоим? Поехали! – почти грубо сказал юный чародей и уселся на место рядом с водительским.

* * *

Весна на улице, – последние дни апреля. Но хмурая погода и снег с дождем нагоняют осеннюю тоску.

– Ты к Роману заезжал? – спросил Юл.

– Заезжал. Но его дома не было. На калитке табличка висит «Приема нет». Так что придется к твоим услугам прибегнуть, господин чародей.

Сомневаться не приходилось: Алексей говорил правду. Не в его манере было так мелочно врать. Но при этом младший брат не сомневался: Стен не хотел встречаться с господином Верноном. А провидцу не так уж сложно избежать ненужной встречи.

– Во что ты в этот раз вляпался? В какое дерьмо? – намеренно грубо спросил Юл.

– В будущее. Как всегда. Оно, проклятое, мне жить не дает спокойно.

– Ну и что ты там усмотрел в будущем? Опасность, как всегда? Угадал?

Старший брат не ответил, но руки, лежавшие на руле, слегка дрогнули. Эмпат вновь ощутил тревогу.

– Я купил новую квартиру. В центре. Нужно, чтобы ты наложил охранные заклинания, – сказал Алексей наконец.

«Врет, – решил Юл. – То есть, может, и не врет... и квартира есть, и охранные заклинания нужны позарез. Но не это главное. Приедем – скажет».

– Пустосвятовская вода у тебя с собой? – задал Алексей ненужный вопрос.

– А то как же! Без нее – ни шагу. В рюкзаке бутылку ношу. Новая квартира, небось, большая? Если большая, литровой бутылки может и не хватить.

– Хватит, – отрезал Стен и замолчал.

«Так что же задумал братишка?» – гадал Юл. Но знал, что спрашивать бесполезно. Если Алексей захочет – сам скажет.

* * *

Стен не мог подыскать точного определения тому, что он задумал. Безумие? Скорее всего. Дерзость? Разумеется. Но если был шанс что-то сделать, Стен не мог пребывать в бездействии.

Когда-то он сломал свою жизнь потому, что на миг прозрел и увидел будущее. Впрочем, в те времена он не догадывался, что наделен особым даром. Он только ощутил нестерпимое отвращение ко всему – или почти всему – что его окружало. И еще – уверенность, почти фанатическую, – что скоро все изменится. Все сбылось так, как он предвидел.

Последующие тринадцать лет Стен жил, учитывая в своих действиях предопределенность грядущего. Теперь же он хотел угаданное будущее отменить. Ни мало, ни много.

Возможно ли такое?

Волшебное ожерелье открыло в нем дар провидца. Теперь ему нужен новый дар – менять будущее по своей воле.

Был суббота, на дороге было довольно много машин, и каждая заминка бесила Стена. Ему мнилось, что таинственные силы, с которыми он был готов сцепиться в неравной схватке, уже начали действовать.

«Нет, нет, я сделал еще только первый шаг», – уговаривал себя Алексей.

Самообман, конечно. Кости брошены, Рубикон остался позади. Алексей улыбнулся, вспоминая, как он рассказывал на уроке в лицее о Цезаре и его борьбе с Помпеем. Мальчишки и девчонки слушали, тая дыхание, будто события, которым больше двух тысяч лет, разворачивались у них перед глазами. Стен умел говорить. Да, он чертовски хорошо умел говорить. Завуч, присутствовавшая на уроке, сказала, что он не рассказывает, а околдовывает. «Да, да, вы их просто околдовали. Они никого так не слушают – только вас!» В ответ Алексей Александрович улыбнулся: «Вполне возможно!» Кто знает, может быть, волшебное ожерелье открыло в нем возможность не только предвидеть будущее, но и прозревать прошлое? Какие-то темы он просто обожал, но были события, рассказ о которых застревал в горле. Возможно, исторические труды в этих местах содержали нелепый вымысел или наглое вранье. Имел ли историк право лишь на основании своего дара, не располагая фактами, выносить вердикт?

– Впереди пост ГАИ, – сказал Алексей. – Там, где эта дылда с названием... Но они нас раньше остановят. Вон, за тем столбом появятся.

Машина стала тормозить.

– Кто они? – спросил Юл, вглядываясь в темноту.

– Гаишники. Скорее всего, самозваные. Я выйду из машины, а ты не дергайся. Сиди тихо. Стен глубоко вздохнул, сильнее стиснул руль.

Из-за кустов выступил гаишник, энергично взмахнул жезлом. «Форд» тут же прижался к обочине, послушно замер.

– Сиди в машине, – вновь повторил приказ Стен и вышел.

Дождь со снегом прекратился, в воздухе висела влажная взвесь. Все краски казались серыми, линии расплывались. Шум капель, шорох повсюду, будто враги подкрадывались со всех сторон, но не торопились показаться.

Человек в сером спешил к Стеновскому, нахально поигрывая жезлом.

«Настоящий или переодетый?» – прикидывал Алексей, пока тот приближался.

Если гаишник переодетый, то может сразу пристрелить Стена, не задавая вопросов.

– Стоять! – рявкнул человек в сером.

«Поддельный», – почти уверился Стен и замер. Поздно было что-либо менять.

Только глазами повел, пытаясь определить, где напарник «ряженого» и машина.

Тачка вроде как проглядывала за голыми кустами, но гаишная или простая, в блеклом сумраке, Алексей различить не сумел.

– На землю! Мордой вниз! – приказал гаишник, подходя.

– В чем дело, инспектор? Пальто испачкаю. – Стен стоял неподвижно и падать на дорогу ничком не спешил.

– Мордой вниз! Сука! – человек в форме схватил Алексея за руку, пытаясь вывернуть непокорному кисть.

Но не получилось: руку человека в сером пронзило острой болью, ноги сами собой подкосились, фальшивый инспектор осел на землю, не осел даже, а как будто растекся: по лицу градом покатился пот, одежда вмиг сделалась мокрой, липкой. Стен по-прежнему не шевелился. Только слегка придерживал несправедливого «гаишника» за руку, да шептал какие-то мудреные слова. Разобрать было толком ничего нельзя. Разве что два слова «Вода-Царица», которые повторялись часто.

– Эй, ты что делаешь! Б...! – выломился из кустов второй, остановился, вскинул руку.

Стен прыгнул вперед, будто в воду нырнул, сбил фальшивого дорожного пастуха с ног. Тот, однако, успел выстрелить в воздух. Но это все, что он успел.

Когда Юл, нарушив приказ Стена, примчался на помощь к брату, два тела лежали рядышком на земле в насквозь мокрой одежде, лица их лоснились от пота, глаза закатились. Дышали поверженные тяжело, с присвистом, и вокруг каждого расплывалась солидная лужа.

Жезл инспектора Стен успел зашвырнуть в кусты. Мимо по шоссе проносились машины. Никто не останавливался.

– Так ты тоже можешь?.. – выдохнул Юл с восхищением. – Формулу изгнания воды Роман сообщил? Да?

– Закурить! – приказал Стен отрывисто.

Он тяжело дышал и раз за разом сжимал и разжимал кулаки.

– Что? – не понял мальчишка.

– Сигарету! Мне настрой не сбить! Дотронусь до тебя – с тобой то же самое будет. Там у меня в бардачке пачка «Мальборо» и зажигалка.

Юл кинулся к машине, отыскал сигареты, зажигалку, вернулся.

– Сматываться надо! – прошептал он, вставляя Алексею в прыгающие губы сигарету и поднося зажигалку.

– Из машин тушки на земле не видны. А мы... Что мы? Двое стоят... курят...

Стен глубоко затянулся. Похоже, дрожь начала проходить.

«Романа сигарета убила бы... наверняка... – подумал юный чародей. – А мне, интересно, можно курить? Или тоже копыта откину?»

– Ну, все, поехали! – Алексей подтолкнул брата назад к «Форду».

– Они ж тебя запомнили.

– Это вряд ли, – хмыкнул Стен. – Из их памяти этот день попросту смыло. Впрочем, пусть и запомнили. Что с того?

– Надеюсь, у настоящих ментов к нам не будет претензий, – сказал мальчишка.

Шагнул к машине и оглянулся. Заметил, как Алексей наклонился и поднял выпавший из рук фальшивого «гаишника» пистолет.

* * *

Старый дом заново отделали и недавно покрасили. Во всех окнах белели стеклопакеты (ужас старинных домов, уродство несовместимости). В небольшом дворике выстроились рядком четыре новенькие иномарки. Железная дверь в парадную, кодовый замок. Стандартная атрибутика, иллюзия безопасности. Только иллюзия, как всегда.

Прежде чем открыть дверь, Стен огляделся, не идет ли кто следом. Нет, никого. Двор был пустынен, на всех окнах пятиэтажного дома – жалюзи или плотные шторы. Юл стоял чуть поодаль со скучающим видом. На самом деле он прислушивался – что же испытывает в эту минуту Стен? Страх? Тревогу? Или примитивную радость собственника?

Но уловил лишь боль... Как будто в груди у Лешки сидел нож по самую рукоять, и брат никак не мог его вытащить.

«Плохо дело», – решил чародей.

Стен первым вошел в парадную. Старинная мраморная лестница, чудом уцелевшая во время капремонта, закручивалась спиралью вокруг спрятанного за кованой решеткой лифта. Но рамы в окнах были уже современные. Ничего подозрительного. Все, как везде: матерная надпись фломастером на новеньком кафеле стены, отпечатки грубых ребристых подошв на мраморных ступенях. От подобных вещей стальные двери не спасают.

Не каждому дано предчувствовать, что наступил момент пересечь Рубико. Где она, граница, за который ты сам выбираешь свое будущее, вырываешь нить судьбы из чужих скользких и равнодушных рук. Становишься Цезарем. Хоть на миг. Отец назвал младшего сына Юлием. Был ли это знак? Попытка повлиять на судьбу? Юл ненавидел свое имя. Считал, что оно к чему-то обязывает. Вернее, слишком ко многому обязывает.

На площадку третьего этажа, где братья остановились, выходили две двери. Одна – шикарная, облицованная деревянной мозаикой поверх стального каркаса, вторая – тоже стальная, но скромная, без обшивки. Стен отпер эту вторую дверь и зажег свет в прихожей. Опять остановился, прислушиваясь. Юл глянул из-за его плеча. Разглядывать, впрочем, было ничего: коридор, оклеенный бледно-зелеными обоями, уходил в глубь квартиры, загибаясь под прямым углом. Коридор был совершенно пуст, ни вешалки на стене, ни шкафов вдоль стен. Только возле двери на куцем коврик стояли две пары новеньких тапочек. И все.

В квартире царила странная тишина – такой не встретишь в городских квартирах. Но здесь было как-то по-особому тихо, мертво даже, будто уши заткнули ватой.

Юл только и сказал:

– Хата так себе.

Алексей в тот же миг опомнился, втянул брата внутрь, захлопнул дверь.

Быстрым шагом дошел до поворота. Вторая часть коридора была примерно равна первой – четыре двери, по две с каждой стороны, располагались почти вплотную друг к другу. Стен по очереди открыл двери в каждую из комнат и на кухню, потом вернулся, заглянул в первом коридоре в туалет и ванную.

– Все в порядке.

– А что, здесь кто-то мог прятаться? – хмыкнул Юл.

Стен пожал плечами:

– Пойдем.

Проходя, Юл мазнул взглядом по приоткрытой в комнату двери. Комната была большой, почти квадратной. Здесь все было приготовлено для комфортного существования матери и ребенка: тахта, детская кроватка, детский манеж, стол со стульями и огромный шкаф. Комнату, как и коридор, только что наспех отделали. Что наспех – видно по тому, как бугрились стены: дорогие обои наклеили поверх старых. На светлом паркете белели там и здесь наскоро замытые следы мела. Маляры торопились. Похоже, Стен в самом деле решил переселяться, причем в срочном порядке.

Юл поежился: надвигалось что-то мерзкое. Просто так брат не стал бы заморачиваться со срочным переездом. Стен не был стеснен в средствах, но относился к материальным благам с легким пренебрежением. Этот же переезд походил на спешное *бегство*, – тут сомневаться не приходилось. Без ответа оставался один вопрос: от кого пытался удрать Стен?

Братья прошли в кухню.

Здесь было почти уютно: на столе новенькая пестрая скатерть, печка СВЧ рядом с итальянской плитой, плотные занавески на окне. Падавший из-под пластмассового абажура свет очерчивал на столе яркий круг.

На стене висели большие часы с маятником – старинные. За минуту Алексей собрал нехитрый ужин: нарезанный хлеб, банка лосося, тепличные огурцы.

– Курицу будешь? Я в печке разогрею, – предложил Стен.

– Угу... Как ты помнишь, я с утра ничего не лопал. А курятину давай сюда холодную! – Он отломал себе ножку и с минуту яростно ее обглаживал.

Стен ел с достоинством, отправляя белое мясо в рот маленькими кусочками, как будто не на кухне ужинал, а где-нибудь на приеме.

– Что делать-то нужно? – спросил Юл, расправившись с куриной ножкой. – Ты так толком и не объяснил.

– Запирающие проклятья... – сказал Стен. И добавил после паузы: – Главное, чтобы Лена и Казик не смогли выйти на улицу без моего разрешения!

– Ты их что, под арест решил посадить?

– Временно. На две недели...

– И что такое должно случиться за эти две недели?

Стен не ответил.

«Вот же темнила!» – мысленно воскликнул Юл. Уловил тревогу и страх. Но тут же старший брат перекрыл эмоциональный канал.

«Как он ловко наострился утаивать чувства!» – отметил чародей.

– Слушай, Лешка, давай, колись! Это розыгрыш, угадал?

– Нет, не розыгрыш. Это серьезно.

– Та-ак... Я всегда подозревал, что ты не умеешь шутить. И что? Что ты знаешь о грядущем дерьме? Конкретно?

Алексей помолчал, сложил на тарелку нож и вилку, будто был в ресторане.

– Опасность угрожает тебе и Казику.

– А поточнее нельзя?

Алексей отрицательно покачал головой:

– Неважно. Я все изменю.

Повисла неуклюжая пауза. Юл прекрасно помнил, что прежде говорил брат: шанс изменить грядущее почти нулевой. Если внезапное озарение позволяло разглядеть будущее, то увиденное сбывалось неизбежно. Шла ли речь о курсе акций или о чьей-то жизни, не имело значение. Цифры всегда оказывались верны, и умерший выглядел именно так, как успевал его разглядеть Алексей в кратком трансе. Однако был один случай весьма сомнительный. Это когда Стеновский увидел Романа, захороненного без гроба в могиле. Так и осталось неясным, что произошло в тот раз. То ли начинающий провидец неверно истолковал видение, то ли сумел грядущее переменить – картинка совпала, только смысл оказался иным. Но в наш век формализма о сути говорить почти неприлично. Будущее, как и прошлое, вполне может удовольствоваться подделками.

Теперь провидец решил переиграть судьбу. Переезд в новую квартиру, двери, запертые заклинаниями, – все это было частью дерзкого плана, в этом уже сомневаться не приходилось. Но всего этого слишком мало, чтобы иначе переплести десятки, а может быть, и сотни нитей. Интуиция подсказывала Юлу: старший брат будет рисковать. Вопрос лишь в том, что именно отчаянный игрок готов был поставить на карту.

И что Стен может поставить в игре с Судьбой против жизни сына и младшего брата?

* * *

После ужина Юл стал обходить квартиру, шепча заклинания. Дело несложное, тем более что запрет ставился и на выход, и на вход. Первым делом чародей установил колдовской запор на входную дверь. Потом замкнул окна. Проветривать их можно, а вот открыть и вылезти на карниз – не получится. И мухи с комарами не залетят. Подумав немного, юный чародей заговорил оконные рамы еще и от всякой хвори, переносимой по воздуху. Чтобы «включить» эти заклинания, требовалось особое умение, потому что в данном случае использовалась не воздушная стихия, а влага воздуха. Юл не стал бы ручаться, что его заклинания от ОРЗ и гриппа продержатся хотя бы до следующей осени. Но на весну должно было точно хватить.

В квартире было три комнаты и кухня. Окон же всего семь. Четыре окна выходили на площадь. Здесь Стен повесил виниловые жалюзи. Но все равно юный чародей на всякий случай заговорил стекла на полную непрозрачность.

– Ну, все, теперь без нужного заклинания никто из этой квартиры не выйдет, даже тараканы убежать не смогут, если они имеются.

– Надеюсь, канализацию не заблокировал? – усмехнулся Алексей.

– Унитаз работает. Так что дерьмо можно сливать. На вход заговорил, но избирательно. От лихих людей и комаров. Ну, все (повтор), я свободен?

Стен отрицательно покачал головой:

– Еще одно дело.

– Так и знал! От тебя по-быстрому не отвяжешься! А я думал, мы с тобой сейчас шампанского разопьем за успех предприятия. Ты шампанское купил?

– Ожерелье можешь сделать? – спросил Стен, не обращая внимания на шутовской тон брата.

– Что? Ожерелье? Водную нить? Ты серьезно?

Алексей кивнул.

– И для кого нужно ожерелье? – спросил Юл тихо. Шутить у него сразу пропала охота.

– Я спрашиваю: можешь или нет?

Юный чародей глянул исподлобья.

– В принципе могу. Только еще ни разу не пробовал. Не знаю даже, получится или нет. Так кому понадобилось водное ожерелье?

– Мне.

Юл опешил. Старший брат свое ожерелье получил от профессора Гамаюнова. И уж сколько с ним намучился... Проклятая удавка чуть-чуть его не угробила.

– Второе ожерелье. Зачем? – растерянно спросил мальчишка.

Стен не ответил.

Знает ли Алексей, о чем просит? Знает, конечно. Провидец рассчитал все ходы. Вот только что должно получиться в результате этих сложных комбинаций – неизвестно.

Юл попробовал возразить:

– Слушай, Стен... Ожерелье – не замок на дверь. Тут напортчить можно в два счета. Короче, если надо, Романа проси. По любому, у него лучше получится. А я...

– Романа здесь нет. Действовать надо срочно. Сейчас. Сию минуту, – отрезал Алексей. – Другого шанса ни у меня, ни у тебя не будет.

– Ну, заклинания в принципе я знаю... – юный чародей как будто споткнулся, выжидательно посмотрел на брата. – Нет, ты послушай! Все не так просто. Ты уже наделен и одарен. Что даст тебе мое ожерелье?

– Возможность менять будущее.

– Каким образом?

Стен не ответил.

«Что же ему нужно? Два ожерелья... две разные нити... объемное зрение... Два разных варианта будущего?»

Алексей снял очки, и тут Юл увидел, что изнутри стекла черные, будто закопченные. Не простые, значит, стекла в очках – из колдовского льда. А оправка наверняка из настоящего золота.

– Романова работа? – спросил мальчишка, кивая на зажатые в пальцах очки.

– Что? – Алексей не сразу понял, о чем речь, потом, сообразив, кивнул.

– Ты с их помощью прозреваешь, так? – продолжал допытываться чародей.

– Ну...

– Опасность с их помощью увидел?

– Они только улучшают зрение... то, что я не мог прежде во всех подробностях разглядеть, теперь отчетливо вижу. Несколько связанных друг с другом событий проносятся перед глазами одно за другим. Я могу отследить всю цепь.

– Когда Роман тебе сделал очки? Зимой, во время приезда в Темногорск? После Нового года? – не отставал Юл.

– Какая разница?

– Ну, в принципе... – мальчишка тряхнул головой. – Для меня никакой. А вот ты, твои предвидения теперь наверняка на судьбу Романа влияют. И на Темногорск.

– На всех влияют, – сказал Алексей.

«Две водные нити, две версии у провидца... альтернатива... выбор... весь вопрос, что выбрать... и кого... чью жизнь... за кого отдать... не провидец – вершитель», – все эти мысли пронеслись в голове юного чародея разом.

– А ты не рехнешься от обязанности все время что-то решать? Учти – это ведь навсегда! Волшебное ожерелье – неснимаемо.

– Я знаю.

– Нити разные, от разных дарителей, колдовской шок может быть... – продолжал предостерегать Юл.

– У меня выбора нет.

«Он к Роману не пошел, потому как Роман послал бы его на хрен. Да еще бы колдовской запрет наложил на подобные фокусы!»

И будто со стороны услышал юный Цезарь свой голос:

– Хорошо, я сделаю тебе ожерелье.

Уступил, и время ускорило бег, понеслось.

“Возврата нет”, – явилась откуда-то мысль, похожая на припев, и даже музыкальная фраза, то ли услышанная прежде, то ли новоявленная, зазвучала. Юл почти догадался, откуда это все: из Лешкиной головы.

* * *

Они вернулись на кухню.

– Чем расплатишься, братец? Колдуны все по жизни скряги, – мальчишка старался выглядеть легкомысленным, уверенным в себе. Так легче было скрыть страх.

А трусил он до дрожи в коленях, до головокружения, до тошноты. Ошибется, водная нить распадется, и тогда обоим – кирдык.

– Для тебя – особая плата, – старший брат тут же подхватил веселый тон.

– Какая?

– Тарелка. Белая. Кузнецовского фарфора.

– Ух ты! Та самая? – Юл восхитился искренне. – Из сервиза Марьи Гавриловны?

Иметь собственную тарелку из волшебного сервиза, чтобы лучше видеть в воде истину, было давнишней его мечтой.

«Так я буду почти как Роман», – подумал юный чародей дерзко.

– Именно, – подтвердил старший брат.

– Откуда она у тебя?

– Все тебе скажи! – усмехнулся Алексей. – Но что из того сервиза – ручаюсь! – небрежно махнул рукой в сторону застекленного шкафчика. Там в самом деле стояла белая тарелка – одна-единственная.

– Так бы сразу и сказал! – хмыкнул мальчишка.

Алексей вынул из аптечки скальпель, спирт, бинты и разложил на стерильной марлевой салфетке.

Юл скинул свитер и рубашку, протер ватой руку от кисти к локтю. Алексей снял пиджак и галстук, расстегнул ворот рубашки и уселся на стул. Отложил очки. Почти отстраненно он наблюдал за действиями начинающего чародея. Возможно, Романов ученик прав, и второе ожерелье задушит дерзкого. Но отступать Стен не собирался. Это – единственный способ...

«А хватит у него сил и умения менять будущее?» – усомнился Юл, но постарался не показать, что сомневается.

Ему порой казалось, что все люди на свете обладают точно таким же сильным даром эмпатии.

«Ну, вот он, твой Рубикон», – усмехнулся Стен про себя.

Юл поднял узкую тонкую руку (ребенка даже, не подростка еще рука), полоснул скальпелем по коже. Брызнула кровь.

Алексей сглотнул, перед глазами все поплыло. Комната заколебалась, будто ее погрузили в прозрачную воду. И в этой воде вдруг зазмеилась тонкая серебристая ниточка. Стен попытался проморгаться, рассмотреть внимательнее, но не получилось. Сбоку неслись странные шипящие звуки, будто десяток рассерженных змей сплелись в клубок где-то рядом Мальчишка с белыми волосами (кто он, откуда здесь?) вдруг подскочил к нему сзади и накинул удавку на шею. Воздуха не стало. Алексей стал валиться со стула. Но тонкие детские руки подхватили его под мышки и не дали упасть.

Острая боль пронзила шею, сердце заколотилось, как сумасшедшее. Как ни пытался Стен изо всех сил вдохнуть воздух – не мог.

«Все, конец», – обреченно отстукало сердце.

И в этот момент, наконец, удалось сделать вдох. Стену показалось, что воздух обжигающе ледяной. Сами собой из глаз потоком хлынули слезы.

– Я же говорил, – раздался над самым ухом голос мальчишки, – ожерелье создавать – запаришься. Ты чуть коньки не отбросил. Может, ты теперь вампиром заделаешься, а я отвечаю.

Алексей казалось, что он уже умер, и теперь после смерти слышит голос не брата, а маленького дерзкого бесенка.

«Что же это я наделал, идиот!»

Тут Цезарь влепил брату ощутимую пощечину, щека вспыхнула огнем, зато исчезли разом муть перед глазами, странные шипящие звуки и ощущение постмортального существования. Алексей увидел вновь кухню, а перед собой – белобрысого чародея, голого по пояс, с окровавленной левой рукой. Сам Алексей сидел на стуле, привалившись спиной к стене.

Стен тронул шею. Ожерелья сплелись в единый мерзкий жгут. В самом деле похоже на удавку. А ведь он полагал, что между ними будет зазор... Как теперь различить, какое из ожерелий предсказывает будущее и как события будут следовать одно за другим?

– Что, доволен? – спросил неофит колдовского братства жалобно.

Голос прозвучал тоненько, плаксиво.

– Ожерелье это может и не самое лучшее, – признался Стен, облизнув пересохшие губы. – Но оно тебе жизнь спасет.

«Если я разберусь с этой чертовой удавкой», – следовало бы уточнить.

– Что теперь? – Юл жадно глотнул из литровой бутылки, на дне которой осталось не так уж много воды.

– Пока ничего. Ложись спать на диване в соседней комнате. Там белье есть. Телек можешь посмотреть. А мне надо уехать.

– Куда?

– Я Лену с Казиком сюда привезти должен, – Стен поднялся. Его качнуло, пришлось ухватиться рукой за стену.

– Слушай, поздно уже. Да и ты как мешком по голове стукнутый. Завтра устроишь новоселье.

– Завтра может быть поздно. Извини. Я поеду. Дверь закрою на ключ.

Юл кивнул. А мысленно рассмеялся: брат просто смешной. Разве может обычный замок удержать водного колдуна? Впрочем, пускай думает, что может.

Алексей надел очки, помолчал. И вдруг спросил:

– Та девчонка, с которой ты учишься... Кто она?

– Иринка. Ира Сафронова, – ответил Юл и похолодел.

Просто так брат не стал бы спрашивать. Он ее *видел*.

– Что с ней случится? Что? – выдохнул мальчишка.

– Ничего страшного. Просто мне показалось, она тебе нравится...

– Тебе-то что?! – огрызнулся Юл.

– Дать совет, как охмурить девчонку? – засмеялся Стен.

– Отвяжись!

И только когда брат шагнул в черноту коридора, чародей понял – смех был фальшивый.

Если брат видел Иринку, с ней непременно что-то случится... А Стен прозревает только беды.

Юл поднял голову и глянул на старинные часы. Было без четверти двенадцать. На последний автобус в Темногорск он опоздал. Но метро еще было открыто. Метро от дома в нескольких минутах ходьбы. Он успеет. А что дальше? Представлялось смутно. Но бежать нужно немедленно – до прихода брата. Иначе Стен ни за что его непустит.

Потому что Алексей привез Юла в Питер не только ради создания ожерелья. Нет, *не только*.

* * *

Стен повернулся, почти бегом миновал “Г”-образный коридор, закрыл дверь на ключ.

Вот и все.

Что – все?

Сможет ли он перехитрить Судьбу или опять окажется в проигравших?

Он сбежал по лестнице, вышел на улицу, поправил очки и посмотрел вверх. Белые жалюзи на окне едва заметно дрогнули...

– Не опоздать бы... – проговорил он вслух.

«Форд» Алексей оставил в квартале от дома. На всякий случай. Какой случай! Стен и сам признавал: все эти предосторожности просто нелепы: слишком много чужих нитей у него в руках, слишком много неизвестных в затейной игре. Все равно он не сумеет все предусмотреть. Будущее вырвется у него из рук, и тогда... Что тогда, он не представлял. Быть может, будущим надо управлять как своим телом – рефлексивно?

– Что нужно сделать? Какую охрану поставить?

Алексей быстрым шагом подошел к машине. Синий «Форд». Точно такой же Алексей подарил Роману после своего спасения.

«Эх, Роман, мне б твою силу, я бы горы свернул...»

Впрочем, неизвестно, кто из них сильнее. Каждый – по-своему, если уж быть точным.

Стен уселся за руль.

Выезжая на соседнюю улицу, проверил, нет ли «хвоста».

«Хвоста» не было.

Да и кто за ним может следить?

Эмиссары Синклита?

Смешно.

* * *

До прежнего своего дома Алексей добрался без приключений. Все окна были темны. Стен открыл дверь своим ключом, прислушался. В квартире царила хрупкая тишина. Похоже, ребенок спал, и Лена, скорее всего, тоже.

Было уже за полночь.

Оставив ключи на тумбочке у входа и сбросив ботинки, Стен на цыпочках прошел в комнату, включил бра на стене. Так и есть: Лена спала на диване, не раздеваясь, а Казик мирно посапывал в своей кровати. Просто идиллия.

Алексей наклонился, поцеловал жену в щеку.

– Да ну тебя, – пробормотала она сквозь сон, улыбнулась.

Потом вскинула голову:

– В чем дело? О Господи, сколько сейчас времени? Где ты был? Телефон не отвечал. Я переволновалась!

– Поехали, – сказал он.

– Куда?

– На новую квартиру.

– Что? Какая квартира? Стен, я думала ты просто шутишь! Какой переезд?! Зачем? У нас и тут полный бардак.

– Я все приготовил, пора переезжать! – Он как будто не слышал ее возражений.

– Да что такого случилось?

– Потом объясню. Сейчас надо собираться.

– Ты хоть на часы посмотрел?!

– Уже поздно.

О причине переезда Стен ничего не рассказывал толком. Из обрывков мыслей, что удалось подслушать, Лена также ничего не поняла. Обретя власть над ожерельем, Алексей научился блокировать свои мысли и теперь позволял жене подслушивать лишь то, что не считал нужным скрывать. А Стена нельзя было назвать человеком с душой нараспашку.

– Там отличная квартира!

– Я же тебе сто раз говорила: не хочу никуда! Мы же только-только устроились! Мне здесь нравится, у меня подруги, есть, где с ребенком гулять.

– Вот именно – гулять. – Алексей помолчал. – Дело в том, что тебе нельзя в ближайшее время выходить из дома. Ни тебе, ни Казiku. А я должен срочно уехать на две недели.

– Что?

Она поднялась и уставилась на него с изумлением.

– Я должна сидеть в квартире взаперти в каком-то новом неизвестном мне доме? Почему?

– Там стены подходящие. Старый кирпич. А здесь – бетонная арматура.

– Ну и что?

- Охранные заклипания здесь не наложить.
Малыш захныкал.
Лена вынула его из кровати, принялась баюкать.
– И надолго ты нас сажаешь под арест?
– Я же сказал: две недели никуда не выходить. Как минимум.
– Но ты ведь только что уезжал! – напомнила Лена. – Сегодня тебя с утра не было. И вот опять... А я тут совершенно одна! – Она едва не плакала.
Стен сделал вид, что не слышит упреков:
– Никуда не выходить. Ни в коем случае! Холодильники на кухне забиты всем необходимым. Вам на месяц хватит и...
– А телефон?
– Есть. Но им нельзя пользоваться. Трубку ни в коем случае не снимать.
– А если врач понадобится?
– Я оставляю номер. Позвонишь с мобильного. Врач приедет на дом. Но это в крайнем, самом крайнем случае. Связка ключей на столе на кухне – тоже на крайний случай. Дверь будет всегда заперта. Мусор не выноси, пакуй в мешки и складывай в коридоре.
– Стен, тебе угрожают? Шантажируют? Грозят похитить Казика? Требуют выкуп?
– Ничего подобного! С чего ты взяла?! Приснилось? – Он через силу улыбнулся.
– Зачем тогда ты решил нас спрятать?
– Меня никто не шантажирует! Клянусь! Но мы должны переехать. Ты мне веришь?
– Ну хорошо, хорошо... я тебе верю... Где ты положил подгузники?
Лена всучила Казика Алексею и принялась рыться в шкафу.
– Просто я должен быть уверен, что вы в полной безопасности. Я все предусмотрел.
Малыш потянулся к очкам в золотой оправе и попробовал их сдернуть.
– Не надо! – Стен отвел руку малыша. – Ты меня хотя бы слушаешь? – этот возглас уже относился к жене.
– Слушаю. Ну, вот и подгузники. – Лена забрала сынишку у мужа несмотря на громкий протестующий вопль: Казик почти уже дотянулся до блестящей штучки на папиной переноске.
Она перепеленала мальчонку и положила в люльку.
– Если через две недели ты не вернешься, что нам делать? – Лена попыталась дотронуться до руки мужа, но тот благоразумно отступил.
– Я вернусь. Дверь никому не открывай, кто бы ни звонил.
– Лешка! – Лена шагнула к нему, обняла.
Губы их соприкоснулись.
– Ты сегодня как будто чужой, – сказала она. – У тебя губы ледяные...
Вновь поцеловала. И в этот момент все же сумела пробиться сквозь возведенную стену. Одно название она отчетливо разобрала.
– Темногорск?! – спросила, отстраняясь и с подозрением глядя на мужа. – Ты опять ездил туда! Зачем? Что случилось? Ты виделся с Романом?
– Нет. Я привез Юла, пусть поживет у нас несколько дней.
– Тоже две недели?
– Ты против?
– Леша, что должно случиться? – У Лены задрожали губы.
– Совсем не то, что ты думаешь, – покачал головой Алексей. Погладил жену по волосам. – Поверь мне, малыш... Все не так... и не страшно... Если будешь делать, как я скажу.
– Почему ты не хочешь объяснить? Не доверяешь? – Лена закусил губу, чтобы не расплакаться.
– Я тебя люблю. Казиком кля...

– Не смей! – закричала Лена. Да так, что малыш испугался и зашелся в крике. – Ты все лжешь! Ты не понимаешь ничего! Это не любовь, а приворотное зелье...

Выкрикнув это, Лена только теперь сообразила, что самым примитивным образом проболталась. Но поздно было уже что-то исправлять – слово вылетело.

«О, нет!» – только и пронеслось в мозгу. Лена поднесла руку к губам, закусила сжатые в кулак пальцы до крови, отступила. Дура! Какая же дура! Опять она все испортила!

– Стен!

– Это ты ничего не понимаешь. Все не так! Одевайся! Едем!

Лена знала Лешку с первого класса, а все никак не могла уяснить: невозможно подчинить Алексея Стеновского, никто не в силах им управлять. Не было тогда никакого приворотного зелья: Стен всегда любил Лену, а заговоренная колдуном вода помогла это осознать. Впрочем, не так уж мало – понять, кого ты любишь, а кого ненавидишь.

Алексей вспомнил коридор в новой квартире. Несколько метров, а дальше стена, тупик и поворот. Что за углом – не разглядеть. Большинство людей так и движется. Два шага вперед – и тьма. Перед Алексеем коридор уходил вдаль. Нет, этот путь не был ярко освещен. В серой непроглядности кое-где лишь тускло поблескивали огоньки. Но время от времени открывалась дверь, и тогда на миг грядущее, которое прежде лишь угадывалось смутными абрисами, проступало отчетливо, до каждой мерзкой и мелкой черточки.

Месяц назад перед Стеновским в очередной раз открылась таинственная дверь, и хлынул свет.

Он взгляделся, и... волосы у него на голове зашевелились от ужаса.

В прежних случаях увиденное в пророческом трансе всегда наступало неотвратимо. Стен не мог изменить в проклятой картинке ни единого штриха. Как будто это было не будущее, а прошлое. Стен мог только знать. И покорно ожидать, пока увиденное свершится. И это знание использовать.

Теперь же он решил будущее переиначить. Во что бы то ни стало.

Глава 3

Приключения русалки

Утром кто-то стукнул в окно пустосвятовской избушки.

Глаша вскинулась: кого это в такую рань несет – светать еще только начало. Может, призрак какой? Да не след ей, бывшей утопленнице, призраков бояться. Ей теперь сам черт как брат, приходи, рогатый, самогоночкой угощу.

Глаша шагнула к окну, приоткрыла форточку.

– Отворите, милиция! – раздался строгий голос с улицы.

Глаша накинула пальто на ночную рубашку, сунула ноги в валенки, включила в сенях свет и выскочила на крыльцо.

Мороз стоял жуткий – под валенками наждачно скрипело при каждом шаге. Ну и апрель! Январь настоящий! На крыльце стоял участковый Пашка Табанин, а с ним незнакомый коренастый человек в черном кожаном пальто. Высокий незнакомец лет около тридцати пяти, его черные блестящие волосы были красиво уложены и походили на парик, может быть, потому, что брови и ресницы у человека были светлыми, а глаза – белыми, как будто в радужку плеснули молока. А зрачки крошечные. Или вовсе не имелось зрачков?

– Вам чего? – спросила Глашка, запахивая пальто поплотнее. – В такую рань приперлись. У меня выходной сегодня, а магазине Ксанка работает.

– А вы кто будете, гражданочка? – спросил участковый.

Глашка от вопроса оторопела: с Павлом, помнится, они в одном классе учились, только он был годом старше, потому как второгодник.

– Кто? – наконец выдавила бывшая русалка растерянно. – Глафира Никитична...

– И паспорт с пропиской имеется? – Второй вопрос Табанин задал еще более строгим голосом.

– Само собой.

– Предъявите!

Глаша кинулась назад, в дом, глянула в комнатку за занавеску, где спала мать – не разбуждали ли ее гости: подоив рано утром корову, мать опять ложилась, выставив к сеням банки с молоком для своих клиентов. Бабка похрапывала, как ни в чем не бывало. Детки – Васятка с Валюшкой – тоже еще спали. Валюшка приболела малость, потому в школу не пошла, а Васятка – он еще при бабке с мамкой беззаботно мог бегать...

Глаша отыскала паспорт в ящике комода, где он два года провалялся, вынесла на крыльцо.

– Вот, видите, документ имеется, прописка у мамани в домовой книге, все, как положено, – сказала Глаша.

– Ну, паспорт, может, и настоящий, – Пашка изобразил раздумье. – А вот фото не похоже совсем. Не ваше это фото, гражданочка.

– Так я это, пластику сделала, – выдала Глашу официальную версию своего чудесного перевоплощения из толстухи деревенской в писаную красавицу с точеным носиком и огромными, зелеными, как крыжовник, глазами.

– А это еще проверить надобно, так оно на самом деле или нет, – глумливо хмыкнул Табанин.

– Пашка, да ты что, окосел совсем?! – взбеленилась Глаша. – Да мы ж вместе в школе... так ты ж меня за косу... да за яблоками лазали к Сапожниковым, а ты с забора упал, ногу подвернул, а я тебя вытащила... да ты ж у мамыши водку из-под полы покупал, когда тебе шестнадцать было!

– Проверить надо, – повторил Табанин, и липкий взгляд его ощупал Глашу. Даже под стареньким пальто можно было распознать, что фигурка у бывшей русалки высший класс: грудь высокая, талия тонкая, бедра округлые, ноги длинные. Ни у кого из Пустосвятовских девок отродясь таких форм не бывало.

– Ну, ты и урод! – выдохнула Глаша.

Тут в разговор вступил молчавший до той поры белоглазый человек в кожаном пальто.

– Вы ведь отсутствовали два года, Глафира Никитична? – спросил он таким тоном, будто уже зачитывал обвинительный приговор без права обжалования.

– А вы-то кто? – спросила она с вызовом.

– Заместитель мэра Темногорска Виктор Петрович Чебаров, – представился спутник Табанина.

– Да неужто? – хмыкнула бывшая русалка.

В ответ Чебаров провел перед лицом ее рукою, и Глаше показалось, что с лица попытались содрать кожу.

«Так он же колдован! – сообразила бывшая русалка. – Причем сильнющий...»

И в то, что Чебаров – заместитель мэра Гукина, сразу поверилось.

– Ну... – Глаша сглотнула и затравленно оглянулась. – Ну да, я вот пластику... я ж сказала...

– И у Миколы Медоноса работали? – все тем же тоном обвинителя продолжал белоглазый.

– Ну да... работала... две недели... секретаршей... – Глаша глотнула побольше воздуха и задохнулась. – Он мне только аванс выдал, – спешно добавила она.

Человек этот производил на нее жуткое впечатление – мороз продирает по коже от одного его взгляда.

– А где теперь этот самый Медонос? Вам известно? – продолжал допрос Чебаров.

Глаша отрицательно мотнула головой:

– Откуда? Исчез. Он мне еще пятьдесят зеленых должен остался за работу.

– Зато мы знаем, где он, – заявил колдован.

– И... и что? – Глаша совершенно не понимала, куда этот тип клонит.

– Суетеловск, вам это название что-то говорит?

– Нет! – выкрикнула Глаша и только потом сообразила, что соврала зачем-то. Причем совершенно по-глупому.

Чебаров осуждающе дернул подбородком:

– Вы же там были, Глафира Никитична, у Григория Ивановича гостили. Так ведь? – спросил он вкрадчиво.

«Это он про дядю Гришу, что ли? – сообразила Глаша. – И откуда знает?!»

– Не помню, – она попыталась примитивно отпереться.

– Вспомните, все вспомните, Глафира Никитична. Вы нам поможете встретиться с Медоносом, а мы вам... тоже поможем, – странно скривил губы белоглазый: то ли сплюнуть хотел, то ли улыбнуться.

– Как же я вам помогу...

– Слушай, ты, сука! – рявкнул Чебаров. От неожиданности Глаша даже присела. – Ты тут не выё... поняла? Что тебе скажем, то и будешь делать. А то там у тебя в доме двое крысят спят и бабка. Дом-то старый, завалился совсем, разохся... проводка дерьмовая. Чуть что – коза. – Он щелкнул пальцами, синий огонек вспыхнул на его ногте, метнулся из стороны в сторону и погас. – Полыхнет, сама понимаешь, мгновенно, – теперь губы белоглазого откровенно расплзлись в улыбке. – Никто выскочить не успеет. Так ведь, рыба ты дохлая?!

– Ох, да за что? – выдохнула, похолодев от ужаса, Глаша.

– Делай, что говорят, и не рыпайся! – сказал колдован строго. – Ты ведь сука, поняла? Ты детей своих бросила, неизвестно на кого, шлялась невесть где, а теперь явилась. Ты – дрянь! Поняла?

Табанин смотрел куда-то мимо Глаши и как будто ничего не видел и не слышал.

– Я все... все, что угодно... – пролепетала бывшая русалка. Колени сами собой подогнулись, глухо стукнули о мерзлые доски крыльца, Глаша ткнулась губами в холодную, неживую какую-то руку Чебарова. – Васятка... Валечка... – всхлипывала она, ловя губами холодные пальцы.

– Десять минут на сборы, уезжаем! – приказал Чебаров. – И чтоб одета была как надо, а не в этом старье!

– Я... сейчас...

Глаша поднялась, хватаясь за оледеневшие перила крыльца.

– Своим ничего не говори! – вступил в разговор Пашка. – Записку напиши. Мол, уехала в Питер. На заработки. – Он опять окинул сальным взглядом бывшую одноклассницу.

Глаша кинулась в дом, вытащила из комода белую до полу накидку, в которой вернулась из Беловодья, сунула ноги в сапожки на каблуках. В первый попавшийся мешок покидала без разбору белье и платья.

«Вот и все, вот и все», – вертелась в мозгу какая-то отчаянная мысль.

«О, Вода-Царица, я же в будке собачьей готова была жить, – вспоминала Глаша, давясь слезами. – Только чтоб рядом с детками. А теперь уводят эти гады! Куда? Зачем?»

Думала вернуться домой королевой, а вышло – как на шлюху подзаборную на нее все глядят. Зря, ох зря красотой она обзавелась. Мечталось: красота ей счастье принесет и любовь безоглядную... а вышло – горе одно, ненависть да злобу. Нету места такой красоте в деревне Пустосвятово.

«Лучше бы я и не воскресала!» – подумала Глаша с тоской и, чмокнув на прощание Валюшку с Васяткой, вышла на крыльцо.

Глава 4

Колдунья Алевтина

– Тина, девочка моя, не спишь? – Эмма Эмильевна поскребла ногтем дверь.

– Не сплю, – отозвалась Тина. Она, в самом деле, не спала, а пребывала между сном и явью. Грезил наяву и никак не могла вернуться в подлинный мир.

Впрочем, какой из них подлинный, бывшая возлюбленная Романа до конца еще не решила.

– Мне сегодня Михаил Евгеньевич приснился, – сказала Эмма Эмильевна, бочком протискиваясь в комнату Тины и усаживаясь подле кровати на венский неустойчивый стульчик. – Просил на Уткино поле сходить, новый экземпляр «Мастера» на развале приобрести. А то без него эту книгу никто не купит, боится, что завалется. Пропадет.

Вдова говорила об умершем муже, как о живом. Это при жизни Чудодей не мог в магазине мимо нового издания «Мастера и Маргариты» пройти, непременно покупал.

У Чудодея уже было двенадцать экземпляров «Мастера», пять из них еще тех давних, талонных лет, когда дефицитные книги за талончики на сданную макулатуру продавались. А кроме этих пяти «макулатурных» экземпляров – совершенно удивительный том самосшитый, каждая страница сфотографирована и на белую бумагу подклеена – копия с самого первого, еще журнального издания. Эмма Эмильевна рассказала Тине по секрету, что каждый день поутру Чудодей брал непременно другой том, не тот, что вчера листал. Потому что у книги, как у человека, силы исходятся, ей тоже отдохнуть надобно, в себя прийти. И каждый раз с утра Михаил Евгеньевич читал непременно первые страницы романа. Покойный Чудодей был книжным колдуном, и первые страницы книги ему особую силу давали. Потому что автор в эти первые страницы всегда больше всего энергии вкладывает. Даже если он и не первыми их написал, а, к примеру, в конце думал вставить, а потом переиначил. Читателя сочинитель обмануть может, а вот колдуна – никогда. Чует колдун, где в книге главная сила сокрыта.

К тому же текст его всегда предупреждал. Если беда какая-то, неприятности, опасность, тот тут непременно страницы с допросом Иешуа откроются, а если что-нибудь радостное, удача, то про проделки кота и Коровьева или про лососину второй свежести.

Теперь вечерами Тина заходила в кабинет Чудодея, включала настольную лампу, снимала какой-нибудь том наугад и непременно читала отрывок вслух. Ей казалось, что Чудодей ее слышит.

– Непременно купим, – ответила Тина.

– К тому же тебе прогуляться надобно, чтоб румянец на щеках заиграл, – добавила вдова Чудодея. – То-то бледненькая ты у меня. Губы совсем белые. Я пойду чайку вскипячу. А ты вставай.

Тина поднялась, пошла умываться. Долго разглядывала себя в зеркальце над умывальником. Все-таки неплохо она выглядит. А бледность...

Так Роман говорил, что водные колдуны редко бывают румяными. У них у всех кожа прозрачная, будто не кровь, а вода течет в жилах.

Нет, ну почему Тина все время повторяет: Роман говорил, Роман считал.... Нет больше в ее жизни этого человека, и точка! Смело! Но это приказать себе просто, а выполнить – ох, как сложно. Вот пьет Тина чай, а при этом непременно вспоминает, что Роману чай с перечной мятой заваривала.

И колдун, сделав первый глоток, непременно говорил: «Сегодня чай замечательный».

Но больше этой фразы Тина не услышит.

Она спешно поднялась и отправилась одеваться.

Накинула Тина на голову белый пуховой платок, что вязала всю зиму серебряными спицами, надела шубку беличьё, Романа подарок.

– Сегодня нам повезет! – объявила Эмма Эмильевна, беря Тину за локоть. – Точно-пре-точно повезет.

Они шли по Ведьминской под ручку, раскланиваясь со знакомыми и вежливо улыбаясь незнакомым. Две одинокие женщины старательно делали вид, что у них все хорошо.

– Да, повезет, – подтвердила Тина после паузы.

Апрель, а надо ж, как холодно, лед на лужах, земля, будто кость, хотя снега уже и не видно нигде. Небеса яркие, ярчайшие просто. Весенние небеса. Странно, что за всю осень и зиму нового в Темногорске ничего не построили. Как стояла бетонная коробка на том участке, где умер Чудодей, так и стоит. И дворец Аглаи Всевидающей по-прежнему лежит в руинах, смердит от него горелым на весь Темногорск. Чудится даже, – синеватый дымок меж обугленных бревен вьется.

Женщины остановились. Как раз в этот момент между черных бревен что-то сверкнуло.

– Я сейчас! – крикнула Тина, устремляясь на пожарище.

Протиснулась между обломками и почти сразу увидела на земле белый сахаристый камешек. Кусок мрамора, что ли? Подивилась Тина, камень подняла. Оказался осколок вовсе не мраморный. Только взяла его молодая колдунья в руки, камешек тут же принялся таять. Минутка-другая – и пролилась на черную землю пожарища кристально-чистая вода.

– Лед, – фыркнула Тина, отряхнула ладони и заспешила назад, на дорогу.

Послышалось ей, правда, как где-то далеко зажурчал меж камней говорливый ручеек. Оглянулась. Руины были мертвы по-прежнему.

– Ну что там? – спросила Эмма Эмильевна.

– Ледышка простая, – отмахнулась Тина. – Я ее случайно растопила.

А вот и Романа Воробьева дом. То есть водного колдуна господина Вернона. Сердце Тины заколотилось. Ворота заперты, на калитке бумажка приколотая: “Приема нет”. Отдыхает колдун. Ну и лады, пусть у него все хорошо будет. Тина за него всем своим сердцем разбитым порадуетя.

Уже когда отошли изрядно, Тина оглянулась: не зовет ли ее Роман? Но нет, то ветер холодный в спину дунул. Никто на улице не появился и Тину не окликнул. А если бы окликнул, пошла бы она? Хватило бы сил не пойти? Она даже представила, что Роман кричит: «Тина! Тина!»

Нет, нельзя так! Да и не станет колдун бывшую любовницу кликать. Он и думать о глупой девчонке забыл. А вдруг думает? Ведь красавица Надежда, говорят, в Москву уехала. То есть бросила Романа, сбежала.

«Если позовет назад – вернусь или нет? – спросила себя Тина. И тут же решила: – Ни за что не вернусь!»

Несколько раз они с Надей сталкивались на улице. Надежда любила по утрам прогуливаться по Ведьминской. Тина всегда первой говорила возлюбленной своего любимого «Здрасьте». Даже останавливалась, как будто надеялась, что соперница тоже остановится, и они будут болтать, как давние подруги, Надежда частицей своего счастья с Тиной поделится. Однако новая любовница Романа кивала прежней свысока, мимоходом. Иногда и вовсе не отвечала на Тинин поклон, будто не узнавала.

Эх, если бы можно было назад вернуться и всю жизнь сначала начать. Только глупость все это. Как прошлое переиначить? Пройти мимо Романова дома? Или вообще в Темногорск не приезжать? Но как ни старалась Тина, иного прошлого придумать себе не могла. Одна тропинка в жизни у нее была – никуда с нее не свернуть. За один поцелуй Романа она полжизни готова была отдать. За одну ночь с ним – всю жизнь. То, что был он у нее – пусть и недолго – такое счастье не каждому ведь достается. Ей вот выпала любовь, которая любого колдовства

сильнее. То есть в самом деле выпала – упустила Тина счастье свое, оно хрупким стеклом и разбилось.

Но она делает вид, что радуется. А вот Эмма Эмильевна радуется искренне.

За полгода, что миновали со смерти Чудодея, Эмма Эмильевна вроде как оправилась и даже вновь помолодела. Опять же, колдовски, – Тина постаралась.

О, Вода-царица, неужели полгода прошло? Кажется, только вчера Тина лежала на кровати пластом, а вдова Чудодея держала ладонь на Тинином пылающем лбу. Долго так сидела. Ладонь была мягкой и холодной.

– Терпи, бедная! – приговаривала Эмма Эмильевна. – В тебе твой дар перерождается.

Все в Тине перекручивалось, боль стягивала внутренности узлом. Было тошно, муторно так, что казалось, еще минуточка, и не выдержит Тина, умрет. Умереть хотелось. Только тело не знало – как. Сил в молодом теле слишком много было. Потом боль постепенно унялась, остались только слабость и сонливость. Ближе к зиме Тина себя уверила, что беременна, и эта надежда вспыхнула в ней и на несколько дней заставила окрылиться. Тошнота, головокружения, – все как будто говорило об этом. Но месячные, хоть с задержкой, пришли, и надежда угасла. Выходит, последняя близость с Романом, как все прочие, прошла без последствий. Говорят, дети у колдунов – редкость. А если случаются, то уроды. Вот Эмма Эмильевна с Чудодеем деток не прижили. Однако же передается как-то колдовской дар: от деда Севастьяна к дочери его, потом к Роману – тянулась ниточка, не прерывалась. Неужели дар водного колдуна никому не достанется?

Тина рыдала два дня неостановимо.

А, выплакавшись, решила продолжать жить. По инерции. Ее по-прежнему тошнило по утрам, и она немного пополнила. Говорят, от горя люди толстеют. На всякий случай сходила к врачу. Но нет – не было никакой беременности.

Если они с Романом на улице встретятся, что изменщик ей скажет?

«А ничего не скажет, – усмехнулась неожиданно для себя Тина. – Все важное он мне уже сказал. Мой теперь говорить. За мной слово».

Тине вдруг жаль себя стало – той, прежней, глупенькой, наивной и влюбленной. Жалко до слез. Такая хорошая девочка была, преданная, ни на кого больше не глядела – только на него. Всегда, еще с детства ей именно такая жизнь и мечталась: чтоб любимый был самый лучший, самый-самый, такой, каким гордиться можно, а Тина подле него. И чтоб любовь навсегда, на всю жизнь одна, и никогда ни в нем, любимом, ни в себе, ни в чувстве своем не было сомнения. Тина росла с уверенностью, что не положена ей никакая другая судьба – только эта на роду написана. Теперь прежняя уверенность разбилась вдребезги. И прежняя Тина – тоже. Даже осколков не осталось. Но себя не вернешь – что ж тут поделаешь. Новый дар отныне у нее – с ним и жить.

* * *

Женщины заглянули на Уткино поле. Здесь на лотках торговали всякой мелочью: кассетами с записями колдовских заклинаний, амулетами с колдовскими заговорами (сплошь фальшивыми), брошюрками по магической практике.

– Тина! – вдруг кто-то окликнул молодую колдунью.

Она обернулась.

Подле лотка стояла старуха в белом, как у Тины, платке. Годы только-только начали гнуть старухину спину, хотя волосы были уже белы, как снег. Один старухин глаз смотрел мертво, второй же был прозрачен, ехиден, лукав. Тина сразу ее узнала: Марья Севастьяновна Воробьева, Романа мать. Виделись они однажды в Пустосвятово и даже побеседовали почти

любезно. Марья Севастьяновна Тине кивнула, давая понять, что признала. Однако не улыбнулась при этом. Впрочем, одна колдунья другой редко улыбается.

– Возьми! – сказала Марья Севастьяновна отрывисто и протянула Тине старенький чемоданчик.

Тина взяла.

– Что там? – спросила с опаской.

Одна ведьма другой может змею подарить или одежду отравленную.

– Дома увидишь! – сухо ответила Воробьева.

Тина глянула ей в глаза и увидела, что в светлом прозрачном глазу старухи отражается прежняя Тина, наивная глупая девчонка, а в другом, мертвом, – уверенная в себе красавица-колдунья.

Этой новой себя Тина боялась.

* * *

Вернувшись с прогулки, девушка заперлась в своей комнате.

Поставила на стол дареный чемоданчик с металлическими уголками. Провела ладонями по верхней крышке, как учил Роман – проверила, нет ли на подарке порчи. Порчи не было. Было по три металлических гвоздика в каждом уголке, и каждый заговорен на удачу. Чемоданчик был заперт на ключик. Впрочем, ключ тут же к ручке на веревочке был привязан. А подле него – еще один. Похоже, от какой-то двери.

От двери? В дом?

Тина подняла крышку. Внутри, в пожелтевшей вате лежала белая тарелка. Очень похожая на те, что были у Романа и в которых он видел истину. Прозревал сквозь расстояние и время. По размерам тарелка была точно такая же, как у водного колдуна. И фарфор кузнецовский. Только у этой по краю шла причудливая роспись. То ли буквы мелкие, то ли просто узор замысловатый. Тина попыталась роспись в лупу рассмотреть, но глаза тут же застлали слезы.

Несколько минут Тина сидела, раздумывая. Потом медленно поднялась, вышла во двор, принесла из колодца воды и налила в тарелку до краев. Прежде чем коснуться водного зеркала долго смотрела на голубоватое дно тарелки. Наконец решилась и опустила ладонь. Пальцы тут же занемели, ладонь стало остро покалывать в одном месте.

Тина отдернула руку. Да так и замерла. Смотрела, не могла оторвать глаз. Потом наклонилась, приникла к краю тарелки и выпила студеную влагу, от которой ныли зубы, всю, до дна.

– Пусть так и будет, – прошептала. – Так и будет.

* * *

А тем временем у себя в комнате Эмма Эмильевна открыла только что приобретенный том «Мастера и Маргариты» и принялась читать:

«В тот же момент что-то сверкнуло в руках Азазелло, что-то негромко хлопнуло как в ладоши, барон стал падать навзничь, алая кровь брызнула у него из груди и залила крахмальную рубашку и жилет».

Эмма Эмильевна в ужасе захлопнула книгу.

Глава 5

Дом на Ведьминской

Обитать в многоквартирном доме колдуну несподручно. Во-первых, соседей все время донимают колдовские шумы, во-вторых, вечно посетители на лестнице толкуются. Так что выход один: купить отдельный дом, лучше всего деревянный, дерево оно всегда колдунам сродни; поставить забор повыше – тут и кирпич подойдет, – канавы глубокие со всех четырех сторон выкопать, и чтобы ни зимой, ни летом канавы те не пересыхали. На самом деле колдун не дом обустраивает – настоящее гнездо вьет.

Только не каждому чародею зацепиться в Темногорске удастся. Зачастую иначе выходит. Приедет начинающий колдунчик, первую тысячу баксов зашибет без напряжения, и уже мерещится глупому, что привалила ему в жизни удача. Только дар колдуна – ненадежный, возьмет и оскудеет внезапно. Вроде бы то же самое, а уж не то. Сила растратилась, клиенты разбежались. И сидит колдун в своем недостроенном жилище без окон и дверей, кусает губы и хиреет. Потому как жизнь без колдовской силы считай и не жизнь вообще. Продаст чародей-неудачник дом – и тикать из Темногорска. Убежит, оклемается, и вдруг дерзкая мыслишка осенит: а ведь вне Темногорска он колдун – хоть куда. Ого-го, какой колдун! Ну, немного шарлатан, так не без этого.... Не в святые чай метит. И находит свое место под солнцем вдали от Темногорска. Глянь, через полгода катается уже на “Мерседесе”, новый домик ставит в Подмоскovie. Так что неудачи оставьте лентяям, да трусам, а упорный человек и упрямый всегда с удачей будет.

А его брошенный дом на берегу речки Темной гниет и рушится без пригляда. Таких покинутых гнездовищ в городе колдунов хоть отбавляй.

Но заброшенный дом на Ведьминской с проломом в бетонном заборе особенный был.

Передавали посвященные по секрету, что Роман Вернон в тот дом входил, а выходил вовсе не в Темногорске, а совсем в другом месте. Якобы из дома этого, зная нужные заклинания, можно в Беловодье попасть, в чудесный град, где все на свете желания разом исполнятся.

Только не пройти больше никому на участок и в дом не попасть – наложены на канавы с водой охранные заклинания, и на забор наложены, и на землю вокруг дома – тоже. Нашлись смельчаки из колдовского племени, пытались по ночам пробить запрет, проникнуть на запретный участок, но ни прыгнуть в пролом в заборе, ни по верху перелезть ни у кого не получалось. Шептали заклинания дерзкие, рисовали пентаграммы – все без толку. Походив кругами вокруг забора, возвращались не солоно хлебавши. И все их приобретение, бывало, – кашель да насморк после ночной прогулки.

Стали даже поговаривать, что нет ничего в этом доме волшебного, пока не появился призрак Чудодея...

* * *

Удрав из квартиры брата около полуночи, Юл добрался до Темногорска ранним воскресным утром.

В воскресенье должно что-то произойти – об этом провидец сказал ясно. А вот что – не уточнил. Решил построить убежище, заклинания наложить, с женой и с ребенком, да с непутевым младшим братом от беды укрыться.

А брат взял и сбежал. Ха-ха! Ну, что теперь станешь делать, провидец?

Зачем сбежал – юный колдун и сам толком сказать не мог. Гнала его в путь тревога. Не собственное предчувствие – чужой страх. Стен ему прямо сказал: тебе, брат, опасность грозит. Но не это испугало. Другое. Стен про Иру Сафронову спросил, вот что смутило душу. Значит,

мелькнула девчонка в пророческом видении. А Юл точно знал: кроме курса акций и скачков курса доллара, провидит брат лишь одно – несчастья да смерти.

«Я буду рядом, а там посмотрим», – размышлял Юл, шагая от вокзала по Ведьминской.

* * *

По воскресеньям Темногорск спит до двенадцати. Спит мертвецки, непробудно, как после пьянки всеобщей, петухи молчат, собаки – и те не брешут. Кричи, зови, – никто не услышит, не отворит дверь. Все магазины закрыты, ставни на запорах, если какой киоск и работает – только водочный, чтоб похмелиться тому, кто принял накануне изрядно. А больше – ни-ни. Даже хлебный, и тот закрыт щитами. Ни одна машина не гремит мотором. Воздух чист. Спит Темногорск. Сказывают люди сведущие, что колдуны по воскресеньям сообщают нагоняют на жителей сонливость, чтоб никто не мешал им отдыхать, никто не будил, не кричал, не тарактели машины под окнами. Спит Темногорск, набирается сил для новой недели.

Пока Юл шагал по Ведьминской, ни единой души не попало ему навстречу.

Вот и дом недостроенный, где осенью Чудодей умер.

Юл глянул сквозь пролом в заборе и... окаменел.

Бетонно-кирпичную коробку с черными глазницами мертвых окон окружал сад. Поднимались черно-фиолетовые многоствольные деревья, изгибались, сплетались, тянулись вверх, образуя волшебное кружево. Ну, надо же! Высоченные деревья почти скрыли дом. Два дня назад, когда Юл проходил по Ведьминской, он видел этот участок и запомнил хорошо – ничего там не было, кроме мертвой земли, едва-едва припорошенной внезапно выпавшим снегом. Поразительно! Сад вырос в конце апреля, поднялся к небу за день или два. Стволы деревьев блестели, будто отлитые из черного стекла. Переливались. Порой внутри них вспыхивали бледные огоньки. Юл шагнул ближе, протянул руку. Ожидал наткнуться на стену колдовского заклания, но рука прошла беспрепятственно.

Ученик посмотрел на кольцо на пальце, проверил, нет ли опасности. Золотое массивное кольцо с желтоватым, похожим на янтарь камнем о беде не сигналило. Не долго думая, юный чародей перепрыгнул канаву – выходило, на него запретные заклинания Романа Вернона не действовали.

– Эй! – крикнул Юл.

В ответ разом зазвенели деревья, будто были живыми, и окрик испугал их.

Юл направился к дому. Деревья были огромными. Стволы – не обхватить руками. Ветви почти касались земли. Чтобы пробраться меж ними, приходилось двигаться почти ползком. Листвы на деревьях не было, но проступали на синих ветвях похожие на капли почки. На одной из веток Юл приметил цветы. Они были прозрачные, а внутри – ярко-алые, будто в стеклянной чашечке застыли капельки крови. Почудилось Юлу, будто мир вокруг изменился, воздух стал горьковатым, свет – чуть более резким.

«Может, этот и есть источник грядущей беды?» – подумал юный чародей.

Юл помнил, что голый участок вокруг дома был совсем небольшой, а сад... Сад, казалось, границ не имел. Неожиданно злость поднялась волной. Желание немедленно расчистить дорогу к дому, все вокруг сокрушить, сделалось непреодолимым. Мальчишка поднял камень с земли, швырнул в ближайшее дерево. Получился не звон, а противный скребущий звук. Невольно захотелось зажать уши. Дерево, однако, не разбилось. Ни одна веточка не откололась.

Но впереди мелькнула тень, зазвенела ветка. В саду кто-то был! Юл кинулся на звук и столкнулся... с девчонкой. Тоненькая невысокая фигурка при столкновении отлетела в сторону, ударилась о ветку спиной и медленно осела на землю. Юл остолбенел. Перед ним, привалившись к стеклянному дереву, сидела Иринка Сафронова. Как она сюда попала? Неужели

и на нее не действовали запретные заклинания водного колдуна? Вот те на! Неужели и она – колдунья?

– Ты чего? – спросила Иринка, потирая затылок. – Очумел?

– Извини! – Юл смутился. Протянул ей руку. – Вставай.

– Я куртку порвала. Убить тебя мало, – сказала Иринка, но без злобы. Убивать она его вовсе не собиралась. Так – фигура речи.

– Где? – спросил Юл, наклоняясь.

– Вот! – она кокетливо изогнула руку, демонстрируя полуоторванный манжет.

Чародей ощупал пальцами рукав, достал из рюкзака бутылку с водой. Взболтнул. На дне еще булькало. Юл плеснул воду из бутылки на оторванную манжету.

– Что ты делаешь?! – возмутилась Иринка. Отдернула руку.

И с изумлением увидела, что никакой прорехи больше нет, рукав – как новенький.

– Ну, ты даешь! – проговорила восхищенно. – Кто тебя такому научил?

– Роман Вернон! – с гордостью произнес ученик чародея.

Юл вновь протянул девочке руку. В этот раз она соизволила принять его помощь и поднялась.

– Что ты тут делаешь? – спросила Сафронова.

– Да вот, зашел... Сад увидел и... А ты? Ты-то зачем здесь? Синклит сюда запретил ходить!

– А мне Синклит твой не указ. Я рисую, – девочка кивнула на стоящий меж деревьев этюдник.

На картоне пастелью намечены были контуры деревьев. За синими стволами уже проступали стены из красного кирпича с седым налетом. Иринка всегда думала о себе только как о художнике. Никем иным себя не мыслила. В школе об этом все знали.

Юл пораился, насколько точно были выбраны цвета. В незаконченном наброске ощущалась загадочность сада.

– Сад каждую минуту другой, – сказала Иринка. – Деревья двигаются. Вон то, с двойной вершиной, прежде росло у самого входа на участок, а теперь отступило к дому. А вон это, маленькое, с тремя короткими ветвями у земли, прежде жалось к забору, а теперь встало у самой тропинки. Я как вчера этот сад увидела, так сразу решила, что его непременно нарисовать надо.

– Вчера? – переспросил Юл.

– Ну да, вчера. Я хотела тебе рассказать про сад, но ты уехал куда-то с тем парнем сразу после уроков.

Юл испытал странное сожаление: Иринка хотела поговорить с ним вчера – он и сам это почувствовал – но убежал, как дурак. Ему было жаль, что именно вчера этот разговор не состоялся.

– Это мой старший брат... Алексей, – сказал Юл.

Ему почему-то казалось, что никто не поверит, что у него такой брат.

– Он у тебя классный, сразу видно, – вздохнула Иринка. – Я всегда хотела, чтобы у меня был старший брат.

– Точно, классный, – подтвердил Юл. – Но иногда мне его убить хочется.

– Что? Убить? Да ладно, Цезарь, хватит прикалываться!

Палочка пастели скользила по шероховатой бумаге. Буйно извивались ветви, сплетались в причудливый узор. Фиолетовые стволы, огоньки вокруг. Боже, как хорошо! Какое наслаждение!

«Она классно рисует, – думал Юл, следя за скольжением цветного мелка. – Быть может, сад почувствовал ее дар и помог миновать запрет? Сад – живой и захотел, чтобы его нарисовали. Может такое быть или нет?»

Деревья зазвенели. Почудилось Юлу, что где-то рядом пронеслась темная птица, махнула над садом крылом и помчалась дальше. Деревья звенели все громче, будто предостерегали... о чем?

Вдруг стало смеркаться. Уже? Не может быть! Сейчас же утро! Двенадцати нет. Так почему так темно?

В сумерках деревья казались чуть выше, прозрачнее. Больше фиолетового, меньше черного. И на веточках, на самых кончиках – огоньки. Так на мачтах перед грозой светятся огни святого Эльма.

– Идем отсюда, – сказал Юл, ощущая смутную тревогу.

– Иди, если тебе надо. А я еще порисую.

– Сад волшебный, – шепнул за ее спиной Юл.

Что же такого увидел Стен в своем провидении?

– Волшебный, – отозвалась Иринка и вдавила пастель в рисунок так, что порвала бумагу, а сам мелок раскрошился в ее пальцах в пыль.

– Это волшебство через открытую дверь из Беловодья вытекает и прорастает у нас здесь в Темногорске.

Еще минута – и небо из прозрачно-голубого сделалось ультрамариновым. На улице зажегся фонарь. Ультрамарин все густел. Что-то скребануло рядом – то ли по стволу дерева, то ли по стене. Вот еще раз. Будто когтем. Все отчетливее, все громче. Свет окончательно померк, день истаял, наступил вечер, уже не ультрамарин, а чернота вокруг, тьма... Странно! Ведь сейчас должно быть еще светло. Конец апреля.

– Ну вот! Рисовать нельзя! Что ж такое! – возмутилась Иринка. – Ничего не понимаю! Кто знает, может быть, здесь в саду, темно, а на улице сверкает солнце?

– Пойдем, посмотрим, – предложил Юл.

Нагибаясь, они пролезли под стеклянными ветвями к дыре в заборе. Такое впечатление, что идти пришлось метров двести.

«Быть такого не может!» – подумал Юл.

Он первым перепрыгнул канаву и протянул Иринке руку. На улице было гораздо светлее, чем в саду, но все равно – давно не полдень. Близился вечер.

– Не скажете, сколько времени? – обратилась Иринка к проходящему мимо парню в кургузой куртке и вязаной шапочке.

– Семь, – ответил тот. На часы при этом не посмотрел. Да и не было у него никаких часов.

– Ни фиги себе! – ахнул Юл.

И вдруг почувствовал. Страх...

Он глянул себе под ноги. Улицу заливало грязной водой.

– Бежим! – Юл схватил Иринку за руку.

– Этюдник!

– Нет времени!

Они кинулись бежать. Им навстречу люди брели в черной воде по колено, переговаривались, не замечая потопа.

– Юл! – Иринка вытянула вперед руку.

Юл глянул. Вдали, где-то в самом начале Ведьминской, поднималась высоченная волна. Она все росла.

Девчонка взвизгнула от ужаса, изо всей силы вцепилась в руку своего спутника.

Юл прижал Иринку к себе и выставил вперед руку.

– Сейчас! Держись крепче. За меня. – Юл выкрикнул защитное заклинание.

Волна накрыла их с головой. Юл почувствовал, как разливается по телу смертельный холод. Сердце остановилось. Вдохнуть не было сил. Напрасно Юл судорожно глотал воздух – он лишь по рыбы беспомощно открывал и закрывал рот. О, Вода-царица, что делать? Почти

инстинктивно Юл поднял свободную руку и коснулся ожерелья. Ощутил бешеное биение водной нити. И тут же волна схлынула. Будто искра пробежала от ожерелья к пальцам, и дальше – к Иринке. Девчонка вскрикнула. Юл судорожно вздохнул. Сердце колотилось как сумасшедшее.

Волна ушла. Следом налетел бешеный ветер, ударил в лицо, загудели провода на столбах, зашумели, подаваясь напору, ветви деревьев, вихрь поднял обрывки бумаги, пакеты, закрутились мусорные торнадо.

«Откуда столько мусора? – подивился Юл. – Как будто шквал разнес все помойки в городе!»

– Что это было? – выдавила с трудом Иринка.

– Н-не знаю, – пробормотал Юл, задыхаясь. – Что ты почувствовала?

– Холод внутри, будто ледышку проглотила, – призналась она. – Меня куда-то унести хотели, но ты не дал.

– И не дам! Бежим скорее! – Юл побежал снова, потащил Иринку за собой.

Куда – не знал. Его гнал только что пережитый ужас.

«Стен это видел... потому и увез меня... Почему не сказал? Вот дурак!»

Они остановились только на площади. Иринка дрожала. У Юла тоже клацали зубы.

«Я сейчас упаду, – подумал он почти равнодушно. – Упаду и умру... Иринка тоже умрет...»

– Зайдем в кафе, – предложил юный чародей. – Что-нибудь горячее...

– Угу, – согласилась Иринка. – Полцарства за чашку горячего кофе.

Юл знал, что цены здесь обалденные. А деньги... Мальчишка сунул руку в карман и нащупал несколько бумажек. Маловато будет. Надо было у Стена попросить. Эх, дурак! Ладно, будем надеяться, что хватит. Сейчас необходим горячий, обжигающий кофе. Или хотя бы чай.

Юл усадил Иринку за столик, сам направился к стойке.

В кафе почти не было народу. Двое парней за столиком в углу что-то обсуждали и пили явно не лимонад. Еще какой-то хорошо одетый мужчина болтал с девчонками за стойкой. Официантки ненатурально хихикали, как будто у каждой была внутри включена программка: смех после каждой реплики.

«Зачем они с ним кокетничают? – раздражено подумал Юл. – Этот чувак даже не собирается их клеить, чтобы переспать. Ни одна из них ему не нравится».

Забыл он, как всегда, что дар эмпата – редкий дар.

Ученик чародея незаметно щелкнул пальцами. Одна из официанток громко рыгнула. Прикрыла рот рукой, смущенно засмеялась. Парень хмыкнул и отошел наконец от стойки.

– Что тебе, мальчик? – повернулась к Юлу девица.

Он заказал десерт со взбитыми сливками и два кофе эспрессо. Расплатился. Денег хватило впрытк.

Иринка выпила чашку залпом и сразу же прекратила дрожать, будто напиток в этом новомодном кафе был волшебным.

Да и как же иначе, если юный чародей успел шепнуть нужное заклинание, поднося своей даме чашечку.

– Что это было, там, на улице? – спросила Иринка, ковырнув ложечкой сливки. – Психотропное оружие?

– Отходы производства... – буркнул чародей.

– Что-то вроде гипноза? Я же понимаю: грязная вода нам только померещилась.

– Это не гипноз, а ненависть. Роман говорит, что ненависть – блевотина души.

– Э, да ладно тебе! Все теперь всех ненавидят. Если первым не ударишь, тебя самого затопчут, – она явно повторяла чьи-то слова.

– Тебе нравится топтать? – усмехнулся Юл. – Человек лежит на земле, а ты его топчешь, пинаешь. Бах! Бах! зуб выбил, кровь изо рта льется, смешиваясь с кровью из носа. Еще! Еще! Кости пальцев хрустят, ломаясь!

– Класс! – Иринка рассмеялась. – Эх, Матюшко я бы врезала от души.

– Я бы тоже, – признался Юл.

Матюшко был их общим врагом. Не сговариваясь, они расхохотались.

– Юл, а кем ты станешь после школы? – спросила Иринка, отсмеявшись. – Колдуном, как Роман Вернон?

– Нет! – Юл замотал головой. – Я в университет в Питере поступать буду. Стен... то есть Алексей обещал помочь.

– Ты – странный. Отец советовал от тебя подальше держаться.

– Почему это? Боится, что я тебя заколдую, превращу в принцессу-лягушку? Ква-ква, папа, дай сотенку... – засмеялся Юл.

– Ну, я думаю, ты способен на большее! – Иринка хитро прищурилась.

– Ты тоже на многое способна. Например, убить словом.

– Лучше – рисунком. Хочу так рисовать, чтобы у людей сердце захватывало.

Она вдруг покраснела. Румянец так и запылал на щеках. Глаза заблестели. Сейчас она показалась в сотню раз краше, чем прежде. И Юл неожиданно понял: никакой уверенности и силы в ней нет. Она слабая, только боится это показать. Опять страх. Везде страх.

«Я ненавижу страх», – подумал Юл.

– Знаешь, иногда хочется, чтобы весь город уснул, – призналась Иринка. – Я выйду на улицу, а там никого. Ни единого человечка. Спят и не могут проснуться. Забавно, правда? При этом можно зайти в любой дом, поглядеть, что и как, на цыпочках выйти. Никто ничего не услышит и не увидит, все будут спать день, два, три. Я буду бродить от дома к дому, сидеть в чужих креслах, разглядывать чужие вещи, пить чай из чужих чашек, похрустывать чужим печеньем. Или бы еще лучше, чтобы все люди исчезли. А я одна-одинешенька гуляю повсюду. Нет, я не желаю, чтобы люди погибли, пускай они куда-нибудь просто уйдут. Откроются потаенные двери, все-все выйдут в какие-то иные миры. А я бы осталась.

– И я.

Юл взял Иринку за руку. Звякнул на ее запястье браслет с тремя крупными камнями.

Но Юл не обратил внимания на браслет. Едва руки их соприкоснулись, как сердце у мальчишки прыгнуло в горло, заколотилось, будто сумасшедшее. Он облизнул мгновенно пересохшие губы. Водная нить в ожерелье пульсировала в такт сердцу.

Вот так бы сидеть всю жизнь. Держать ее за руку и... он был счастлив... секунду... другую.

– В Темногорске все может быть, – проговорил он многозначительно.

– Я знаю, – кратко отвечала Иринка.

– Может быть, у тебя тоже предки колдуны, как у Романа Вернона?

– Нет! – запротестовала Иринка. – Скажи, а твой учитель любому ожерелье может сделать или только избранным?

– Практически любому. Если только... – Юл запнулся.

– Что – только? – Сафронова смотрела настороженно.

– Если только у этого человека фамилия не Лавриков. Тогда – нельзя.

– Почему?

– Не знаю. Но Роман Васильевич сказал: Лавриковым запрещено.

– А телка-то у мелкого ничего! – заржал за дальним столиком обритый наголо бугай и беззастенчиво ткнул в Иринку пальцем.

Иринку и Юла будто грязной водой окатило. В этот раз совершенно не колдовски.

– Ладно, Вован, она ж малолетка, – хмыкнул второй. – Оставь.

– Теперь малолетки все бляди! – хохотнул Вован.

– Унять их? – спросил Юл, наклоняясь к Иринке.

Его затрясло – теперь от ярости.

– Ты чего? С ума сошел? – прошептала девчонка. – Идиоты они. Не обращай внимания.

Крутых из себя строят.

Юл обернулся. За столиком сидели двое.

– Э, гляди, как zenки вытарашил! – хохотнул Вован. – Небось, колдун, сейчас (или «щас»?) в камень превратит. Эй, пацан, ты че, чародей, в натуре?

Второй, однако, не отличался подобной наглостью.

– Оставь их, Вован! Видел у парня ошейник? Это колдун. Не трогай! Они все друг за дружку горой...

– Он – щенок! – Вован поднялся.

– Ну вот, пожалуйста! – шепнула Иринка – Сейчас приставать начнет!

Она стиснула в руке чайную ложечку, как будто это был нож или даже пистолет.

Квадратный здоровяк был уже в двух шагах. Юл поднялся. Сжал кулаки. Страх не должно быть. Страх разъедает силу. Только злость. Ярость.

– Мелочь, брысь отседова, – предложил задумчивым голосом Вован, самодовольно ухмыляясь.

Росту он был небольшого. Повыше Юла, но совсем чуть-чуть. И в плечах не особенно широк. Но очень хотелось пацану крутизну свою показать.

– Сам вали! – огрызнулся Юл.

Вован колдунов не боялся. Он вообще в магию не верил. Он ни во что не верил, кроме силы кулаков. И, как истинный герой, выбрал для битвы противника-слабака. Мальчишку выбрал, которому пятнадцати лет еще не исполнилось. Ухватил за грудки. Юл тут же поверх его кулаков наложил свои ладони. Что-то выкрикнул в лицо. Как показалось Вовану – какую-то абракадабру.

Тут же руки Вована ожгло огнем. В лицо ударила влажная смрадная струя. Вован невольно разжал пальцы. Кисти его рук скрючились и почернели. Из рукавов кожаной куртки валил пар, будто там внутри что-то варилось. Вован в ужасе уставился на изуродованные кулаки. Рот его сам собой раскрылся, на ворот куртки потекла струйка слюны. Но при этом «герой» не смог вымолвить ни звука.

Юл, потеряв равновесие, отступил и упал на стул. Он тоже смотрел на почерневшие пальцы противника, и дикий хмельной восторг закипал в нем. Сумел! Смог! Он даже не замечал, что его собственные руки при этом горят от боли. Проклятый дар эмпата! Юл не мог блокировать этот канал. Да и не хотел. Наслаждался. Эту боль причинил он сам.

Вован, впрочем, все еще стоял, нависая. Но Юл уже уверился в своей силе. Левой рукой коснулся ожерелья, а правую выставил в запретном жесте. Ладонь его казалась вылепленной из снега и слегка светилась.

Колдовская сила отшвырнула Вована, он упал, спиной опрокинув ближайший стул.

Приятель подбежал, ухватил незадачливого братка за плечи, залопотал:

– Ну, брателла, держись. Теперь на нас все навалится. Гребь отсюдова... – Он поволок пострадавшего к выходу, что-то бормоча на ходу. Юл разобрал только «мелкий» и «колдун»...

– Как ты его, а? – Иринка нервно хихикнула. – Я уж думала – все, тебе похороны обеспечены. Пора гроб выбирать... Такой, чтобы крышка не открывалась. А ты урода взял и поджарил.

– Это формула изгнания воды, – отвечал Юл с гордостью, одергивая куртку.

Его бросило в жар, от хмельного восторга голова шла кругом. Он вдруг вспомнил, что спрятал в рюкзак, который по-прежнему висел за плечами, подаренную Стеном тарелку. Пощупал. Похоже, фарфор уцелел, не разбился во время всех пертурбаций.

– Ты с любимым такое можешь сделать? – Иринка смотрела на него во все глаза. Восхищалась? Или просто опасалась теперь?

Восхищалась – эмпат ощутил это совершенно точно. Он иногда ошибался в чувствах, но не сейчас.

– С любимым, – заявил Юл. – Но учти, это была самозащита. К такому заклинанию можно прибегать только в крайнем случае...

А если узнают? На Синклит вызовут. Плевать! Плевать! Он ни перед кем голову склонять не намерен! Ни перед школьными придурками, вроде Матюшко, ни перед этим Вованом. И перед Синклитом – тоже. Он же только ученик. Ожерелье есть – назад не отберут. Никто с него ожерелье не снимет! Никто с ним теперь не сладит!

Ему казалось, что он поднимается по невидимой лестнице все выше. От высоты перехватывает дыхание.

– Я бы хотела быть такой же сильной, как ты! – вздохнула Иринка. – Такой же непокорной.

– А ты не такая? Нет?

– Ну, немножко. Может быть. – Она покраснела. Потом рассмеялась. – Этот тип что, с черными ручонками и останется? Милостыню станет просить. Всем говорить, что в танке горел, люк голыми руками открывал, друзей спасал.

– Ну, если выложит баксов пятьсот, Роман Вернон, может быть, смилостивится и вернет ему прежние белые ладошки, – хмыкнул Юл. – А может быть, и за тысячу пошлет куда подальше. Роман подобных уродов терпеть не может Ты Суслика видела? Он у газетного киоска сидит. Видела? Романова работа.

– Тогда придется две тысячи заплатить, – подсказала Иринка, заходясь от смеха.

– Три! Мне десять процентов.

Юл смеялся и никак не мог успокоиться. Смех вдруг перешел в странную дрожь. Потом в мерзкий холод. Холод шел от ног, как будто Юл промочил их в луже. Он наклонился и глянул под стол. Ему показалось... да нет, не показалось, ощущение было реальным как никогда. Пол заливала грязная вода. Опять? Таинственная грязь уже растеклась по всему кафе и плескалась около ножек столика. Причем никто, кроме Юла, эту воду, похоже, не замечал.

Юный чародей сморщился.

– Что с тобой? – удивилась Иринка.

– Посмотри на пол. Ты ничего не видишь? – спросил Юл.

Иринка посмотрела и содрогнулась.

– Эта та самая вода?

– Похоже, новая волна прошла. Только гораздо слабее прежней. Эта мерзость залила весь город. – Юл поднялся: – Идем отсюда. Я тебя до дома провожу.

– Что происходит? – спросила Иринка шепотом.

– Ничего не бойся! – объявил юный чародей. – Я на тебя охранное заклинание наложил. Отныне тебе порча не страшна. Меня сам Роман Вернон этим заклинаниям научил.

Недавний случай с Вованом укрепил самоуверенность чародея.

* * *

Вода на площади почти спала. Но кое-где – Юл чувствовал – еще стояли лужи черной вонючей жижи, которую практически никто не замечал. Хотя невольно брезгливая гримаса появлялась на лице того или иного человека, когда он наступал в эту ментальную грязь.

Недалеко от автобусной остановки стояла “скорая”. Мужчина в белом халате заносил на руках в машину мальчишку. Неподалеку сидела на скамейке девушка в китайском пуховике. Какая-то тетка стояла подле нее и время от времени трясла ее за плечо. При этом голова сидящей беспомощно моталась из стороны в сторону.

– Они умерли? – спросила Иринка.
– Н-нет... кажется, – прошептал Юл. Хотя далеко не был в этом уверен.
– Я видел, – рассказывал какой-то мужчина зевакам. – Черноту. Как будто тьма наступила в полдень. Я еще подумал – затмение. Потом опять стало светло. А через час – снова тьма. И холод жуткий... И вот сейчас – снова! Бр-р...
«Разве было три волны?» – подивился Юл.
А потом сообразил: первая волна прошла, когда они с Иринкой в саду были.
«Почему Стен меня не предупредил?» – со злостью подумал Юл.

* * *

Чародей вел Иринку за руку, стараясь обходить пятна черной «воды». Вел до самого дома – до стальных неприступных ворот.

И когда стальная калитка закрылась за Иринкой с протяжным металлическим стоном, у Юла похолодело в груди. Захотелось тут же кинуться следом, схватить за руку, позвать.

Но его самого кто-то схватил за руку.

Юл рванулся, но освободиться не сумел. Обернулся. Перед ним стоял Гавриил Черный собственной персоной. Он был, как всегда, элегантен, весь в черном.

– Ну, и как вы объясните свои художества, молодой человек? – насмешливо спросил глава колдовского Синклита.

– Вы о чем? – попробовал потянуть время Юл, понимая, что отнекиваться бесполезно: как повелитель Темных сил Гаврил Черный без особого труда мог засечь “темные заклинания”.

– Может быть, сядем ко мне в машину и побазарим? – предложил глава Синклита миролюбиво. – Здесь у ворот господина Сафронова стоять как-то стремно. Еще охрана вывалится, накостыляют.

– Ну, пойдем, поговорим, – уступил Юл. – Только о чем нам толковать? О моем вступлении в Синклит? – Мальчишка попытался атаковать первым. Знал, что дерзость иногда спасает.

– А ты наглец! – хмыкнул Гавриил, распахивая перед Юлом дверцу своего черного «мерина». – Толковать мы с тобой, Юлий Александрович, будем о твоём поведении. О том, что применяешь заклинание изгнания воды, не имея на то права.

– Исключительно как средство самообороны! – выпалил Юл.

– Пустая отговорка! Роман Васильевич не должен был тебя в подобные тайны посвящать, так что главная вина на нем, – назидательным тоном поведал Гавриил. – Но с другой стороны... – глава Синклита сделал паузу. – У тебя неплохо вроде бы получается.

– Вы серьезно? – Юл опешил: он ожидал разноса и угроз, но никак не похвалы.

– Ты, Юлий Александрович, вполне сформировавшийся чародей, и твоя шутка на счет вступления в Синклит может превратиться в самое обычное заявление, – в тоне Гавриила не было и тени насмешки. Но и искренности не было.

– И что же мне делать? – спросил Юл дрогнувшим голосом.

– Как что? Подавать заявление на вступление.

У мальчишки вспотели ладони.

– Могу практику собственную открыть? – спросил зачем-то Юл.

Гавриил рассмеялся. Странно как-то. Ненатурально? Зло? Юл не мог подобрать нужное определение. Он ощутил неловкость и не сразу сообразил, что это неловкость самого Гавриила. Глава Синклита хитрил. Чего-то хотел от мальчишки. А вот чего именно...

– Ну, о практике тебе, пожалуй, еще рано думать. Но выполнять отдельные поручения Синклита – на это ты уже способен.

– Какие поручения? – Юл насторожился. Он все сильнее ощущал тревогу Гавриила, несмотря на прочный (наипрочнейший даже) колдовской заслон.

– Личные поручения главы Синклита, – произнес Гавриил, чеканя каждое слово. – Заодно будешь брать у меня уроки. Бесплатно.

– Но Роман Васильевич наверняка будет против, – неуверенно заметил юный чародей. Что-то ему не понравилось в предложении Гавриила. Но что именно – он пока понять не мог.

– Разве тебе это не до звезды?

«Он меня перекушает! О, Вода-царица! Гавриил хочет меня перетянуть к себе! Взять в ученики... Точняк! Неужели я обладаю такой силой?! Ого!»

Юл почувствовал прилив непомерной гордости. Из-за него соперничают два самых знаменитых колдуна Темногорска!

– Только ты одно учти, парень! Роман Васильевич – сильный колдун, но, как все колдуны, – ревнивый. Он ни в ком превосходства не потерпит. А твое превосходство он чувствует, только делает вид, что ты ниже. Не сумеешь дар отстоять, – навеки слабым колдунешкой останешься. А у тебя дар невиданный, уж ты мне поверь.

– Да ладно вам... – смущенно пробормотал Юл, чувствуя, как краска заливает щеки. Он понимал, что Гавриил ему беззастенчиво льстит, но не мог устоять. Не мог, хоть тресни.

«Правду говорит Гавриил, я – сильнее Романа», – пронеслась в мозгу сладостная мысль и все внутри согрела приятным теплом осознания своего превосходства.

– Короче, мы, колдуны – мерзкое племя, – продолжал рассуждать Гавриил. – Потому очень важно молодняку силу свою самобытную уберечь от чужого влияния. Врубаешься?

– А то!

– Роман Васильевич тебя за нос водит. Чуть-чуть там откроет, здесь покажет. Но к главному не допускает. Силы твоей боится. Потому будет тебя на привязи держать все время. Время упустишь – не наверстаешь.

Юл передернулся.

– А ведь правда: у нас с ним все время как будто связь. Я его слышу, чувствую, и он меня – тоже. Он что, волю мою подчинил? – у мальчишки дрогнул голос.

– Нет, тут сложнее, – покачал головой Гавриил. – Мне кое-что известно о свойствах водной нити, потому как Темные силы ко всем стихиям причастны. Так вот, я думаю, когда Роман Васильевич ожерелье твое создавал, он власть свою в водную нить заложил. Смекаешь? – подмигнул глава Синклита мальчишке, как старому приятелю.

Юлу показалось, что его ударили под дых. Он готов был закричать, но не закричал – превозмог боль. Сстиснул зубы. Так ожерелье не дар никакой! Ошейник! Подлянка!

Он же знал это с самого начала! Знал! Он еще тогда в Пустосвятово хотел отказаться, да не сумел!

Мальчишка дернул дверцу машины, та не подалась.

– Не надо ломать, – строго сказал Гавриил. – Машина дорогая.

– Откройте дверь, я выйду, – попросил Юл. Ему не хватало воздуха.

Гаврил не стал спорить. Замок открылся. Юл вырвался из машины, как из клетки.

– Ненавижу! – бежал он, выкрикивая. – Ненавижу! Ненавижу!

Если ненависть – блевотина души, то его сейчас рвало фонтаном.

* * *

Весь день в субботу Аглая Всевидающая провела в офисе строительной фирмы. Составляли контракт: обломки и мусор вывезти, забор новый поставить, хоромы построить. Аглая ругалась и спорила до хрипоты, но подрядчики ни за что не хотели снижать цену. Обещанных Синклитом денег явно не хватало.

– Но мы же с вами все обговорили на той неделе! Вы же обещали мне!

– Лес подорожал. И цемент. И расценки, – отвечал, глядя мимо Аглаи в пространство, Петр Петрович и постукивал по тоненькой пластиковой папочке карандашиком. – Вы же сами понимаете: инфляция.

Аглая вернулась в гостиницу поздно вечером голодная и злая, с ясным сознанием того, что ее обокрали дважды: в первый раз, когда назначили заоблачную цену за строительство, во второй – когда лишили клиентов на весь день – а значит, и законного заработка.

В воскресенье приема не было. Утром, спустившись в холл гостиницы, она с удивлением обнаружила, что какой-то дотошный посетитель ее все же дожидается. Одет он был странно: легкий костюмчик, лакированные ботинки – совсем не по погоде.

«Из машины выскочил!» – догадалась Аглая и глянула на гостя приветливо.

– Чем могу... – начала Всевидящая и осеклась. Узнала посетителя. – Медонос?

– Не пригласите в номер? – спросил изгнанник. – Тут как-то неудобно общаться по душам.

Аглая оглянулась: не видит ли их кто? Дежурная в своем окошечке, похоже, не обращала ни на кого внимания – смотрела очередной сериал по телику.

«Можно с Медоноса его долю содрать!» – мелькнула здравая мысль в голове Аглаи.

– Пошли! – мотнула головой.

После того как Синклит перестал оплачивать проживание Всевидящей в гостинице, пришлось прорицательнице довольствоваться скромным одноместным номером. Правда, был он очень даже ничего: кроме кровати имелся еще и диван, на столе выставлена была вполне приличная посуда, на тумбочке – новенький телевизор.

– Располагайся! – Аглая указала Медоносу на диван. – Кофе хочешь?

– Не откажусь.

Всевидящая включила электрический чайник, достала банку растворимого кофе и сахар. Медонос подсел к столу, глотнул кофе.

– Ходили слухи, что тебя посадили, – попыталась прощупать почву Аглая.

– Вранье, – небрежно бросил повелитель четырех стихий.

Отставил чашку, помолчал. Потом поднял на Аглаю взгляд и спросил тихо, задушевно:

– Кого убить хотят?

Но Всевидящую не так-то просто было огоршить внезапным вопросом:

– Ты о чем это? Не понимаю...

– Кого из сильных колдунов убьют? Ты что-нибудь видела? А?

– Почему я должна что-то подобное видеть? – Аглая пожала плечами. – Бери сухарики. Кроме сухариков, у меня ничего нет.

– В прошлый раз, перед тем как Чудодей умер, весь Темногорск слухом полнился. Теперь опять шуршат потихоньку... Я, как прибыл, сразу услышал.

– Так я...

– Ты про Чудака знала, – мягко, но твердо сказал Медонос, – точно знала, что Михаил Евгеньевич скоро умрет.

– Может быть! – озлилась Аглая. – Но тебя это не касается. И никого не касается. Я просто так информацию не даю.

– А как даешь?

– Пятьдесят тысяч зелеными, – сделав вид, что не поняла сальной шутки, заявила Аглая.

Медонос помедлил, потом сунул руку во внутренний карман, достал футлярчик, открыл. Колечко на белом шелке. Камень в свете тусклой лампочки полыхнул так, что Аглая невольно отпрянула.

«Карат десять, не меньше», – прикинула Всевидящая.

– Это кольцо куда больше пятидесяти тысяч стоит. Ну, так как? Скажешь?

Аглая осторожно взяла футляр, повернула, любуясь игрой бриллианта. Смотрела и не могла отвести взгляд. И выпустить коробочку из рук уже была не в силах.

– Убьют Романа Вернона, – проговорила прорицательница, не отрывая взгляда от камня. – Похоже, где-то поздним утром... или днем около полудня... В какой день – не знаю. Но скоро. Пока погода не переменится. Потому как видела, что деревья голые, а на лужах – лед.

– Скоро, значит? – уточнил Медонос.

– Очень скоро.

– И все зависит от погоды? Так?

– От погоды? Нет... не знаю, – пожала плечами Аглая, извлекла кольцо из футляра и на палец надела. – Толкование – не по моей части. Что увидела, о том и говорю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.